

честь · отвага · мужество

честь · отвага · мужество · честь · отвага · мужество

честь · отвага · мужество

Александр
ЛУКИН

ОПЕРАЦИЯ „ДАР“

АЛЕКСАНДР ЛУКИН

ОПЕРАЦИЯ „ДАР“

ЧЕСТЬ ● ОТВАГА ● МУЖЕСТВО

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1964**

ФАНТАСТИКА,
ПРИКЛЮЧЕНИЯ,
ПУТЕШЕСТВИЯ

К ЧИТАТЕЛЮ

В этой книге нет вымысла. Ее герои — советские разведчики-чекисты — действительно совершали в годы Великой Отечественной войны чудеса доблести и отваги, мужества и самопожертвования.

Автор книги — Александр Александрович Лукин — пришел на службу в органы государственной безопасности еще совсем юным комсомольцем. О незабываемых в жизни советского народа годах борьбы с контрреволюцией он позднее рассказал в книгах «Сотрудник ЧК» и «Тихая Одесса» («Седой»).

Когда началась Великая Отечественная война, А. А. Лукин стал заместителем командира по разведке в прославленном чекистском отряде Героя Советского Союза Д. Н. Медведева. Ему довелось непосредственно руководить деятельностью легендарных патриотов-разведчиков Героев Советского Сою-

за Николая Кузнецова, Николая Приходько и их боевых товарищей в глубоком тылу врага.

В этой книге рассказывается о нескольких серьезных ударах по гитлеровским оккупационным войскам и фашистской кровавой администрации, нанесенных на Украине нашими разведчиками. Эти операции имели общее условное название «Дар».

Салон „графини“ Лисовской

Странное зрелище являло собой Ровно в 1942 году. Сравнительно небольшой и тихий до войны провинциальный город, он был объявлен «столицей» оккупированной гитлеровцами Украины. Выбор немцев не был случаен. Исторической столицы — Киева — с его многотысячным населением они попросту боялись. А небольшое Ровно, где каждый человек был на виду, гитлеровцы рассчитывали контролировать свободно. Они учитывали и то немаловажное обстоятельство, что Ровно лишь два года назад было освобождено Советской Армией, а ранее входило в состав панской Польши.

Следовательно, там должны быть еще люди, крепко связанные со старым миром, на которых оккупанты могли рассчитывать и опираться.

К лету 1942 года город буквально наводнили всевозможные оккупационные учреждения и штабы. Здесь находились резиденция самого рейхскомиссара Украины и гауляйтера Восточной Пруссии Эриха Коха и рейхскомиссариат Украины (сокращенно РКУ), штаб начальника тыла германской армии генерала авиации Китцингера, высшего фюрера СС и полиции на Украине, генерала полиции, обергруппенфюрера СС * Прицмана, командующего восточными войсками генерала Ильгена, ведомство главного немецкого судьи Украины генерала Функа и многие другие.

С утра и до вечера по улицам города сновали сотни немецких офицеров всех родов войск и званий, чиновников различных гитлеровских ведомств, понаехавших из Германии коммерсантов. Время от времени в толпе попадались черные мундиры гестаповцев, мелькали бляхи жандармов и нарукавные повязки полицейских. И по всему городу шныряли бесчисленные шпики в штатском.

К вечеру улицы пустели. Местные жители с наступлением темноты под страхом расстрела не имели права выходить из своих домов. А новые «хозяева» устремлялись в появившиеся повсюду, как грибы-поганки, увеселительные заведения: рестораны, казино, различные притоны. Гремели убо-

---

* Обергруппенфюрер — эсэсовское звание, соответствующее чину генерал-полковника в гитлеровской армии.

гие джаз-оркестры, с треском взлетали в потолок пробки от трофейного французского шампанского, пьяно галдели тыловые лейтенанты и их подружки из числа девиц не слишком строгих правил. В залах казино шла крупная игра. На офицерское жалование много не покутишь, играли на другие деньги — пахнущие кровью, заработанные грабежами и насилиями.

В ресторане «Дойчегофф», наиболее респектабельном в городе, самой привлекательной официанткой была Лидия Лисовская, на вид лет двадцати пяти. Гибкая, стройная фигура спортсменки, гордое точеное лицо. Большие серо-голубые глаза. Великолепные пышные волосы цвета спелой ржи. К случайным посетителям она относилась сухо и деловито. Завсегдатаям снисходительно позволяла немного поухаживать за собой.

Места за столиками Лиды заказывали еще днем. Было известно, что она вдова польского капитана, поговаривали, даже графа. И это льстило тщеславию ее поклонников — сынков мюнхенских пивоваров и берлинских лавочников, ставших офицерами гитлеровской армии. Некоторые знали, что она окончила Варшавское балетное училище и консерваторию, была до войны актрисой. Это тоже льстило.

Иногда за Лидой заходила ее двоюродная сестра Мария Микота, сокращенно — Майя. Тоже красавица, но совсем в другом роде. Худошавая, живая. Глаза у Майи редкие — зеленые.

Сестры жили вместе в трехкомнатной квартире с балконом в доме № 15 по улице Легионов.

Со временем самые верные поклонники сестер заслужили право бывать здесь по вечерам. Вскоре составилаcь более-менее постоянная компания: несколько офицеров, кое-кто из сотрудников немецких учреждений. Бывали и птицы поважнее: из военной разведки — абвера и даже из гестапо.

У сестер всегда было весело. Танцевали под патефон, рассказывали анекдоты, играли в карты. Гости приносили с собой вино и закуски.

Как-то один из приятелей Лиды (домашние и хорошо знакомые называли ее Леля), служащий строительной фирмы «Гуго Парпарт» Леон, попросил разрешения привести с собой недавно прибывшего в город офицера.

— Он вам обязательно понравится. Заслуженный фронтовик, после тяжелого ранения временно работает по снабжению армии, денег у него куры не клюют. Воевал во Франции. В компании незаменим.

Леля согласилась. И на другой день все поклонники обеих сестер поняли, что рядом с новым гостем их шансы на успех безнадежно упали. Это было само воплощение идеального немецкого офицера. Выше среднего роста, строен, подтянут, красив. Светлые волосы гладко зачесаны назад, широко поставленные серые глаза смотрят прямо и жестко. Чуть приспущенные к внешним уголкам глаз веки и слегка приплюснутый прямой нос делали его слегка похожим на боксера. На груди «железный крест» первого класса, ленточка второго, медали за Францию и зимний поход на Восток.

Щелкнув каблуками, офицер представился:

— Обер-лейтенант Пауль Зиберт.

С этого дня Зиберт стал своим человеком в доме № 15 по улице Легионов. В компании он всегда был желанным гостем, так как был человеком веселым, остроумным и щедрым. Он явно симпатизировал Лидии. Вскоре она уже знала, что ему тридцать лет, что он сын ныне покойного управляющего имением князя Шлобиттена в Восточной Пруссии, что тяжело ранен под Курском и в Ровно бывает наездами.

Потом он попросил сдать ему одну из комнат.

— Я вас не стесню, так как буду жить не постоянно, а лишь наездами по нескольку дней в месяц.

Лиду это вполне устраивало, и она согласилась.

Проходили дни. По-прежнему два-три раза в неделю собиралось веселое общество на квартире сестер. Лилось вино, и гремел патефон. И никто из гостей не догадывался, что их очаровательные хозяйки являются агентами немецкой службы безопасности — СД и гестапо, в чьи обязанности входило регулярно сообщать своим шефам о настроениях в офицерской среде, о крамольных разговорах и тому подобном. Но, в свою очередь, руководителям СД и гестапо не было известно, что Лида и Майя на самом деле глубоко законспирированные разведчицы особого отряда советских разведчиков-чекистов под командованием полков-

ника Д. Н. Медведева, действующего по заданию партии под Ровно.

И уже совсем никому не могла прийти в голову нелепая, сумасшедшая мысль, что обер-лейтенант Пауль Зиберт — советский разведчик из этого же отряда Николай Васильевич Грачев. Но даже бойцы и командиры-медведевцы лишь после окончания войны узнали, что настоящие имя «Грачева» — Николай Иванович Кузнецов.

В поисках объекта „Вервольф“

На восьмом километре шоссе Винница — Киев, на берегу Южного Буга, раскинулось село Коло-Михайловка. Если, чуть не доезжая его, свернуть вправо, то окажешься в небольшом сосновом лесу. Издали видны нарядные домики-теремки, примостившиеся на опушке. Большая вывеска порусски и по-английски сообщает: «Кемпинг».

Здесь на день-другой, а то и на неделю останавливаются в наши дни туристы, путешествующие на автомобилях или автобусах по Советскому Союзу.

На картах этого района можно найти названия

и других окрестных сел: Стрижавка, Якушинцы, Калиновка, Павловка, Корделевка, Черепашинцы, Полевая Лысиевка. Обычные украинские колхозные села, каких в республике тысячи.

Необычное путешественник заметит лишь тогда, когда углубится в коло-михайловский лес. Сначала ему попадутся растрескавшиеся остатки асфальтированных дорог, по которым уже давным-давно никто не ездит. Потом он натолкнется на огромные глыбы железобетона, разбитые и искореженные. Встретятся разрушенные и обвалившиеся бункера и подземные переходы, уже поросшие молодым лесом. На всем печать запустения, заброшенности. И хочется поскорее уйти из этого угрюмого места.

Стоял декабрь 1942 года. Резкий порывистый ветер гнал поземкой сухой колючий снег. Низко нависло белесое небо. Слабые солнечные лучи скользили по земле, не одаряя ее ни теплом, ни светом.

В такой безрадостный день из лесу, неподалеку от большого села Рудни Бобровской, выехали сразу после полудня пять фурманок. Подпрыгивая и громыхая на ухабах, они направились кружным путем в сторону шоссе Львов — Киев. На передней фурманке, зябко кутаясь в длинную офицерскую шинель с пелериной, восседал немецкий оберлейтенант. На шее у него болтался автомат на боевом взводе. Слева от пряжки темнела предусмотрительно не застегнутая кобура парабеллума.

Время от времени, ругаясь сквозь зубы, офицер яростно оттирал замерзшие уши.

Спутники офицера явно принадлежали к той категории населения оккупированных территорий, с которой гитлеровцы хоть и имели дело, но равней себе не считали, а лишь брезгливо терпели, поскольку обойтись без нее не могли. Это были полицаи, человек двадцать, в большинстве своем молодые мужчины призывного возраста. Одеты кто во что горазд: старые армейские полушубки, лохматые свитки, ношенные немецкие шинели, шапки-ушанки, лохматые треухи... Одинаковыми были лишь белые нарукавные повязки — вся их полицейская форма. Обмундированием полицаев оккупанты не баловали. Вооружение тоже разнообразное: автоматы, винтовки, гранаты.

Свесив с фурманок ноги, стражи нового порядка дымно курили махорочные самокрутки, горланили песни.

В общем обычная для тех мест в те времена картина: команда полицаев во главе с немцем-офицером отправляется в какое-нибудь село для наведения «порядка» или заготовок продовольствия для гитлеровской армии. Случайные встречи при виде колонны поспешно сворачивали в сторону — подальше от беды.

Часам к пяти фурманки выехали на шоссе и свернули влево, в сторону Корца. Время от времени, шурша колесами по заснеженному асфальту, мимо колонны в обе стороны проносились грузовики, изредка попадались и легковушки. Если в кабине машины виднелась горбатая офицерская фу-

ражка, обер-лейтенант четким движением вскидывал в приветствии правую руку.

Сгустились сумерки. Стало еще холоднее. Должно быть не выдержав мороза, два полица соскочили с телеги и побежали вперед, из всех сил притопывая сапогами и хлопая рукавицами по бокам. Но, согревшись, обратно на фурманку полицаи не вернулись, а пошли пешком по обочине шоссе один за другим, шагах в двадцати впереди первой подводы. Затем еще несколько полицейских соскочили на землю, но эти уже зашагали сзади колонны.

Прошло еще полчаса. И вдруг где-то вдалеке по-комариному высоко и надсадно запел мотор, запрыгали, приближаясь с каждой секундой, желтые огни подфарников еще невидимого автомобиля. Полицаи оборвали песню, полетели в снег недокуренные сигарки. Встрепенулся и невозмутимый до сей поры обер-лейтенант. Он опустил поднятый воротник шинели, поправил автомат на груди. Каждому известно: желтые фары положены только автомобилям большого начальства.

Машина вылетела из-за поворота, не снижая скорости. И тут произошло неожиданное. Как только она поравнялась с полицейским, шедшим в голове колонны, хлопнул пистолетный выстрел. В следующую секунду второй полицаи выхватил из висевшей на боку торбы тяжелую противотанковую гранату и точным взмахом руки неторопливо, как на ученье, метнул ее под заднее колесо.

Словно ткнувшись в невидимую стену, тяжелый «оппель» встал как вкопанный. Взрыв взметнул вверх задний мост автомобиля с бешено вращающимися в воздухе колесами. На какой-то миг «оппель» замер на хрустнувшем, как пустой орех, радиаторе, грузно перевернулся и, смятая кабину, рухнул в кювет. Тускло блеснули полированные бока, и тут же их разорвали косые строчки автоматных очередей.

Первым с парабеллумом в руке к дымящейся гряде исковерканного металла подбежал обер-лейтенант. Одного взгляда в кабину бывшего «оппеля» было достаточно, чтобы понять: живых нет. Повернувшись к подоспевшим полицейам, офицер приказал:

— Забрать все бумаги, документы, оружие!

Команда была отдана... на чисто русском языке.

Только-только партизаны успели выполнить распоряжение своего командира, как из-за поворота выскочила никем не замеченная еще одна автомашина. Ее пассажиры, видимо, поняли, что на шоссе засада, потому что многоместный полубронированный автомобиль гнал на полной скорости, не сбрасывая газа. Гулко забарабанили по броне бессильные автоматные и винтовочные пули. И автомобиль ушел бы, если бы не кинулся к фурманке невысокий коренастый партизан. За какую-то секунду он успел сменить диск своего ручного пулемета и выпустил вдогонку машине длинную очередь. Тыркаясь и вихляя из стороны в сторону, автомобиль прокатился еще метров сто

и, въехав одним боком в кювет, замер: запасный диск «дегтярева» был снаряжен бронебойными патронами.

Из машины хлопнули два пистолетных выстрела, и наступила тишина. Подбежавшие партизаны обнаружили в кабине убитого наповал шофера и еще несколько трупов. Два офицера, прикрытые, кроме стенки, еще и бронеспинкой, хоть и потеряли сознание, ткнувшись при внезапной остановке головами обо что-то твердое, но остались живыми. Один из них — с подполковничьими погонами — продолжал судорожно сжимать в руке большой желтый портфель.

К этому портфелю и устремился в первую очередь партизан в форме немецкого обер-лейтенанта. Последовала новая команда:

— Пленных грузить на фурманки! Все вещи и оружие забрать и уходить!

И тут снова запел вдали автомобильный мотор! Но пассажиров этой третьей по счету машины судьба на сей раз хранила. Она успела развернуться и уйти назад, в сторону Киева.

Снова наступила тишина. Обоих пленных офицеров (второй оказался майором), так и не пришедших в себя, уложили на переднюю фурманку, аккуратно прикрыли сеном: чтобы не замерзли от двадцатиградусной стужи. Через две минуты на шоссе было пусто.

Только усилившийся снегопад заносил уходящие в темь лесной чащобы следы партизанских фурманок.

...За несколько недель до описанного события в штаб отряда пришла радиограмма из Москвы. Командование ставило в известность, что, по некоторым, пока еще не проверенным данным, Гитлер в связи с временными успехами немецкого наступления перевел свою ставку из Германии куда-то на Украину. Нам предписывалось в кратчайший срок установить точное местонахождение ставки.

У нас, чекистов, даже перехватило дух: вот это задание — найти ставку Гитлера!

Мы понимали, что дело не ограничится лишь нанесением на карту географических координат волчьего логова. Потребуются и какие-то активные действия.

Но Украина велика. В каком из ее уголков пребывает сейчас главарь фашизма?

Ставка, разумеется, не находится близ границы — тогда бы ее просто не было смысла переводить из Германии. Вряд ли Гитлер поселится и в опасном соседстве с фронтом. Крайне сомнительно рассчитывать и на то, что она окажется в одном из районов, охваченных активной партизанской войной.

Так, по разным соображениям, отпадал то один, то другой город.

В конце концов круг поисков было решено — пока, на первых порах — ограничить четырьмя географическими точками: Ровно, Луцк, Киев и Винница. Разумеется, мы не были столь наивны, чтобы полагать, что ставка Гитлера расположена в особняке на центральной улице одного из этих городов. Ее следовало искать в их окрестностях.

Безусловно, она тщательно замаскирована и усиленно охраняется.

Довольно скоро из «четверки» было вычеркнуто Ровно. Наши разведчики к этому времени уже хорошо изучили «столицу» оккупированной Украины, раскрыли в ней не одну тайну фашистов, но ни в самом Ровно, ни в округе не обнаружили ничего похожего на ставку.

Вслед за Ровно отпал и Луцк — резиденция гитлеровского генерального комиссара Волыни и Подолии генерала Шене. Обследовать этот город было сложнее, но мы все же это сделали довольно быстро и, разумеется, достаточно тщательно. Затем отпал и Киев.

Оставалась Винница. Это уже было по-настоящему трудно. Нас отделяли от нее 450 километров оккупированной территории. К тому же в городе у нас в то время пока еще не было ни базы, ни своих людей. Поэтому заслать в Винницу разведчиков было делом весьма сложным и требовало немалого времени.

Как определить границу, на которой интуиция разведчика переходит в смутную догадку, догадка — в серьезное предположение, а предположение — в уверенность? Во всяком случае, затрудняюсь сказать точно, на каком из этих этапов попал нам в руки номер издававшейся тогда в Ровно на украинском языке газеты «Волынь». Вообще-то газета попала к нам далеко не случайно. Этот грязный антисоветский листок в штабе отря-

да читали даже внимательнее, чем в гестапо, на чьи деньги он издавался.

Изучение вражеских газет может многое дать разведчику. Самое невинное на первый взгляд сообщение иногда содержит весьма ценную информацию. Пресловутая «Волынь» оказала нам уже не одну услугу. Не подвела добрая старая знакомая и на сей раз.

На видном месте газета напечатала льстивое сообщение о том, что на днях в Виннице состоялся концерт артистов Берлинской королевской оперы, который почтил своим присутствием сам рейхсмаршал Герман Геринг, второе в фашистской империи лицо после Гитлера.

Мы насторожились. В самом деле, что может делать в скромном городе Виннице рейхсмаршал Геринг? Правда, он мог оказаться там совершенно случайно — скажем, проездом.

Прошло еще некоторое время, и нам попалась другая газета — «Дойче украинише Цайтунг», выходившая в Луцке на немецком языке. И снова в разделе хроники сообщение из Винницы, что на представлении оперы Вагнера «Тангейзер» присутствовал один из высших гитлеровских военачальников фельдмаршал Кейтель.

Факты многозначительные, но для разведчика еще не убедительные. Бывают совпадения совершенно невероятные, какие и нарочно не придумаешь. А приглядишься к ним повнимательнее и обнаружишь — просто случайность, за которой не кроется решительно ничего стоящего и которая может лишь ввести в заблуждение.

Но, разумеется, следили мы теперь за Винницей с особым вниманием. Вспомнили, как еще летом бежавшие из фашистского плена красноармейцы рассказывали, что где-то под Винницей немцы вели большое строительство. Что там строили — никому не было известно, даже охране. Знали твердо только одно: из многих тысяч советских военнопленных, отправленных под Винницу, обратно в лагеря не вернулся ни один. Ходили жуткие слухи, что их всех расстреляли.

Вот теперь уже получалась цепочка подозрений. Строить какое-либо секретное оборонительное сооружение под Винницей в то время, когда немцы еще наступали и кричали на весь мир о приближающейся «окончательной победе над большевиками», они вряд ли бы стали. И, конечно, всем было ясно, что ставка Гитлера должна быть не заурядным бревенчатым блиндажом, а мощным оборонительным сооружением, способным обеспечить безопасность фюрера и при бомбежках с воздуха и в случае нападения партизан.

Подозрения эти перешли почти в твердую уверенность после очередного приезда из Ровно «Грачева».

Нашему замечательному разведчику, чье имя теперь уже стало легендой, шел в ту пору тридцать второй год. Он родился 27 июля 1911 года в маленькой деревушке Зырянка ныне Свердловской области, в крестьянской семье и был назван Никанором. Мальчика в детстве звали Никой. Уже юношей Кузнецов сменил свое имя официально на Николай. В 1926 году он окончил школу-се-

милетку в Талице, а затем поступил в Талицкий лесной техникум. К этому времени юноша уже был комсомольцем. Учиться ему было нелегко: после смерти отца на его плечи легли заботы о семье. В 1929 году Николай убедил мать Анну Петровну и брата Виктора вступить в числе первых в только что организованный колхоз «Красный пахарь». Все лето семья добросовестно трудилась на колхозном поле, а осенью на Николая обрушился тяжелый и несправедливый удар: нашлись бесчестные карьеристы, по чьим клеветническим наветам он был исключен из комсомола и техникума как сын... кулака! Но убежденность в своей правоте, глубокая вера в партию, в ее справедливость придали Николаю Кузнецову мужества. Юноша, воспитанный в беспредельной преданности делу коммунизма, не пал духом, выстоял перед нелегкими и для взрослого человека испытаниями.

Николай Кузнецов переезжает в город Кудымкар Коми-Пермяцкого национального округа и несколько лет работает здесь чертежником и техником-лесоустроителем топографического отряда при окружном земельном управлении. Уже в эти годы проявились его исключительные лингвистические способности. Он быстро овладел коми-пермяцким языком, хорошо изучил и немецкий — у бывших германских военнопленных, которых много осталось жить в этих местах после первой мировой войны.

В середине тридцатых годов Николай переезжает в Свердловск, работает в конструкторском отделе Уралмашзавода. Здесь в многотысячном

рабочем коллективе окончательно формируется и зреет его характер. Работает много, напряженно, одновременно учится на вечернем отделении индустриального института и на курсах немецкого языка. Немецкие специалисты, работавшие на Уралмаше, уже тогда поражались, насколько свободно молодой человек владеет их языком. Выпускная комиссия индустриального института в 1936 году была поражена не только глубиной знаний Николая Кузнецова, но и тем, что дипломный проект он защитил на безукоризненном немецком языке!

Великая Отечественная война застала Николая в Москве. Он рвется на фронт, но получает один отказ за другим. Инженер одного из заводов, он даже в самые тяжелые месяцы войны не подлежал призыву в армию.

Наконец Николай прибегает к последнему аргументу: он свободно владеет немецким языком. В конце концов просьбу советского патриота удовлетворяют и после некоторой подготовки его командируют в распоряжение нашего отряда.

Летом 1942 года вместе с другими разведчиками Кузнецова перебрасывают в глубокий тыл врага. Но с парашютом приземляется уже не Кузнецов. Еще в Москве мы решили, что его главным оружием во всенародной борьбе с гитлеровскими оккупантами будут безукоризненное знание немецкого языка и мундир фашистского офицера. Знать об этом могли лишь считанные люди, этого требовала конспирация. Поэтому в списки отряда

уральский инженер был внесен под именем Николая Васильевича Грачева.

Долгие недели Николай готовился войти в свою новую роль. А когда все было готово, из отряда разведчиков-чекистов выбыл Николай Грачев, а в городе Ровно появился обер-лейтенант Пауль Зиберт.

Николай вернулся в отряд для доклада. Последнее время он внимательно изучал все, что относилось к рейхскомиссару Украины, личному другу Гитлера Эриху Коху. Для этого он завязал обширный круг знакомств среди сотрудников рейхскомиссариата. Один из них обмолвился как-то, что Кох на несколько дней срочно уехал в Винницу.

Что за странная тяга к Виннице, тем более со стороны Коха, не любившего выезжать даже в Киев? К этому времени мы узнали и о поездке в Винницу из Луцка генерального комиссара Шенне, а из Киева — генерального комиссара Магуниа.

Отправился в срочную командировку на несколько дней в Винницу и Житомир один из близ-

ких друзей обер-лейтенанта Зиберта и сотрудник СД майор фон Ортель. Перед отъездом он проговорился как-то о приезде рейхсфюрера*. Это означало многое. Петлицы с шитьем рейхсфюрера СС в фашистской Германии носил только один человек — Генрих Гиммлер! Но Гиммлер мог быть в Виннице только в одном случае: если там находился и Гитлер.

Собственно говоря, цепь умозаключений была уже замкнута. О простых совпадениях теперь не могло быть и речи. Никто из нас, чекистов, больше не сомневался, что

---

* Р е й х с ф ю р е р — имперский руководитель СС — высшее эсэсовское звание, равное званию рейхсмаршала, которое носил Геринг.

ставка фюрера в Виннице или поблизости от нее. Оставалось лишь определить ее точное местонахождение, выяснить, что она собой представляет и как охраняется.

Для решения этих задач окольные пути уже не годились. Нужно было захватить человека, имеющего доступ в ставку Гитлера, иными словами, добыть «длинного языка» — хорошо осведомленного фашиста. Но как это сделать?

Легче всего такого человека можно было захватить в Ровно. Но легкое в разведке далеко не всегда означает лучшее. Брать «языка» в этом городе не стоило по многим причинам. Во-первых, вывезти пленника из города было бы очень сложно, много сложнее, чем взять. Малейший промах поставил бы под удар наших лучших разведчиков, а только им можно было поручить столь ответственную операцию. Во-вторых, похищение видного офицера сразу привлекло бы внимание местного гестапо, неминуемо навело бы на мысль, что в городе действует не только партизанское подполье, но и специально заброшенные советские разведчики. «Языка» следовало взять так, чтобы у немцев не возникло и тени подозрения, кому и для чего он потребовался.

Задачу эту обдумывали долго и тщательно. К решению ее пришли коллективно. Так возникла вначале смутная, а потом выкристаллизовавшаяся до мельчайших деталей идея подвижной засады.

Группа партизан, переодетых полицией, долж-

на была ехать на нескольких фурманках по оживленному участку шоссе Киев — Львов, изображая собой гитлеровских заготовителей продовольствия в окрестных селах. Командовать колонной, разумеется, должен был немецкий офицер. Эта роль возлагалась на Николая Кузнецова. Подвижная засада должна была высмотреть на шоссе штабной автомобиль, подорвать его и захватить пассажиров и документы. Налет с внешней стороны обставлялся так, чтобы гестаповцы пришли к выводу, что это дело рук одного из местных партизанских отрядов, совершившего обычное нападение на оккупантов.

Обстоятельства, однако, сложились так, что на помощь строгому расчету, не исключавшему, впрочем, и элемента случайности, пришла вовремя добытая информация.

В начале декабря Кузнецов-Зиберт побывал с очередным визитом в Ровно. Там он встречался со многими сотрудниками фашистской администрации.

Обер-лейтенант Пауль Зиберт всегда располагал большими суммами денег (об этом мы особо заботились), и не только оккупационных, но и рейхсмарок, на которые в специальных магазинах, предназначенных только для немцев, можно было купить что угодно, любые деликатесы и вина. Это делало Зиберта желанным собутыльником в любой компании фашистских офицеров.

Официально Зиберт числился чрезвычайным уполномоченным хозяйственного командования,

в задачу которого входило использование материальных ресурсов оккупированных областей СССР в интересах гитлеровской армии. Ведомство Зиберта по-немецки называлось «Виршафтскоммандо» (сокращенно «Викдо»). Его сотрудники обогащались различными способами, недоступными для обычных армейских офицеров. Поэтому наш разведчик мог быть богатым человеком, и это не вызвало подозрений. Набиваться в приятели к Зиберту не считали зазорным не только обер-лейтенанты, но и майоры и даже полковники. Как говорится, чины чинами, а деньги деньгами.

В числе «приятелей» Кузнецова, рассчитывавших заработать при его содействии, был ответственный сотрудник рейхскомиссариата Генрих. С ним-то и разговорился Николай Иванович в офицерском казино после довольно крупной игры.

— Вы деловой человек, — с подчеркнутым уважением говорил Зиберту этот офицер, — но все-таки не используете всех возможностей, которыми могли бы при желании располагать.

— А что вы имеете в виду? — чуть небрежно поинтересовался Кузнецов, стряхивая пепел с сигареты.

— Прежде всего связи ваших друзей, — многозначительно произнес Генрих. — Я понимаю, конечно, что это ваше «Викдо» предоставляет вам достаточную самостоятельность, чтобы чувствовать себя в коммерческом отношении независимым. Но и мы в рейхскомиссариате кое-что можем. Мы могли бы с вами неплохо сотрудничать, дорогой Зиберт...

Намек был более чем прозрачен. Но Николай Иванович не спешил принять предложение: марка «фирмы» — прежде всего! Выждав, сколько требовали приличия, он осторожно спросил:

— Вы сказали «мы»?

— Я имел в виду, кроме себя, своего друга, весьма важное лицо.

Разговор явно начинал интересовать Кузнецова.

— В таком случае, — удовлетворенно продолжал его собеседник, — вы понимаете, сколь плодотворным и ценным может оказаться наше деловое содружество!

Кузнецов широко улыбнулся и наполнил коньяком бокалы.

— Что ж, польщен вашим предложением и охотно принимаю его.

— Прозит! *

Зазвенел хрусталь. С аппетитом закусывая лососиной, сотрудник рейхскомиссариата обрадованно развивал перед обер-лейтенантом Зибертом самые радужные планы быстрого и легкого обогащения.

— Вы не пожалеете о сегодняшнем вечере, вот только мой друг приедет.

— А разве его нет здесь? — невинно удивился Кузнецов.

— Он выехал на срочное совещание, ждем его днями в Ровно. Я вас сразу и познакомлю.

---

* Заздравное приветствие.

— Прямо на вокзале? — «удивился» Кузнецов нетерпению нового компаньона.

— Зачем на вокзале? Он приедет на машине, а встретиться можно будет у меня...

Лучшей добычи и не сыщешь. Распрощавшись, Кузнецов поспешил в отряд.

Подвижная засада сделала свое дело. Немного помятые, но невредимые, оба «фазана» оказались в наших руках. Сигнальщиком, шедшим впереди колонны, был наш разведчик Николай Гнидюк, а метким гранатометчиком — Петр Дорофеев. Немецкий полуброневи́к, в котором ехали гитлеровский майор граф Гаан и имперский советник связи подполковник фон Райс, подбил пулеметной очередью Жорж Струтинский.

Несколько часов петляли и кружили партизаны по лесу. Наконец они добрались до хутора связанного с нами местного жителя поляка-патриота Вацлава Жигадло. Приказав разместить пленных в разных комнатах дома и выставив вокруг хутора надежную охрану, Кузнецов разрешил всем участникам подвижной засады отдыхать до утра. Наскоро перекусив, улегся спать и сам.

Утром он приступил к допросу. Николай Иванович решил представиться пленным в немецкой форме. Во-первых, чтобы воспользоваться их растерянностью, во-вторых, для того, чтобы лишний раз проверить, насколько удачно получается у него роль гитлеровского офицера.

Первым ввели графа Гаана, того самого буду-

шего компаньона, о котором говорил Паулю Зиберту в Ровно Генрих. Кузнецов немедленно встал, вытянулся, как это положено по уставу, в присутствии старшего по званию, и, звонко щелкнув каблуками, представился:

— Обер-лейтенант Пауль Зиберт.

Граф, не веря собственным глазам, уставился на тщательно выбритого, подтянутого «соотечественника».

— Что все это значит? Где я нахожусь и кто вы такой? — истерически закричал он.

— Вы в плену у советских партизан, господин майор. А я, увы, такой же пленный, как и вы. Вынужден выполнять здесь функции переводчика.

— Вы предатель! Вы предали фюрера! — кричал Гаан.

Кузнецов пожал плечами.

— Будьте благоразумны, господин майор. Я пришел к выводу, что война проиграна и Гитлер ведет Германию к неминуемой гибели. Вы должны это знать не хуже меня. Я решил служить русским и советую вам, как коллеге и соотечественнику, быть с ними откровенными.

Гаан продолжал неистовствовать. По распоряжению Кузнецова его увели. Наступила очередь имперского советника связи подполковника Райса. Этот здоровенный рыжеволосый мужчина тоже ни на секунду не усомнился, что имеет дело с настоящим немецким офицером, и осыпал Кузнецова упреками в «государственной измене».

Допросы продолжались. Кузнецов был терпелив. Его воля и настойчивость оказались сильнее

тупого упорства пленных. День ото дня Гаан и Райс делались все разговорчивее и, наконец, стали давать ценные показания.

Среди толстой пачки секретных документов, оказавшихся в желтом портфеле, внимание Кузнецова привлекла топографическая карта, на которой были нанесены все пути сообщения и средства связи гитлеровцев на территории Польши, Украины и Германии. Эта карта представляла огромный интерес и ценность для советского командования. В ходе допросов Гаан и Райс постепенно дали к ней подробные объяснения. Упорно молчали лишь об одном: что означает красная линия, начинающаяся между селами Якушинцы и Стрижавка близ Винницы и оканчивающаяся в Берлине.

— Государственная тайна, — упорно твердили оба офицера.

В конце концов Райс нехотя сказал:

— Это секретный подземный бронированный многожильный кабель.

— Для чего его проложили? — спросил Кузнецов.

— Для прямой связи Берлина с Якушинцами.

— Когда?

— Летом этого года.

— Кто прокладывал?

— Русские пленные.

— Где они сейчас?

Райс отвел глаза.

— Отвечайте на вопрос! — Кузнецов повысил голос.

Давясь словами, Райс еле слышно пробормотал:

— Их ликвидировали... Был секретный приказ... Это гестапо.

— Сколько их было?

— Около тридцати тысяч, может быть, меньше...

Кузнецов отвернулся к окну, его душила ненависть. С трудом взяв себя в руки, он продолжал вопрос.

— Значит, проложили специальный кабель, чтобы фюрер в Берлине мог в любой момент переговорить по прямому проводу с этой деревушкой... Как ее... Якушинцы?

— Наоборот, — хмуро буркнул Райс. — Чтобы фюрер из Якушинцев мог говорить с Берлином.

— Это значит?..

Безнадежно, как человек, которому уже нечего терять, Райс закончил фразу:

— В Якушинцах находится ставка фюрера.

— Расскажите о ней подробнее, — потребовал Кузнецов.

— Подробностей не знаю, — отрицательно покачал головой Райс. — Мое дело только связь. Об остальном спрашивайте Гаана.

За время пребывания в плену с графа Гаана слетела вся его спесь. Он рассказал обо всем, чего не знал Райс.

— Ставка расположена в двух километрах от села Коло-Михайловки, в роще, в двухстах метрах восточнее шоссе Винница — Киев. Севернее став-

ки большой стратегический аэродром для прикрытия. Но пролетать над ставкой строго запрещено даже нашим самолетам.

— Что собой представляет ставка?

— Последнее слово инженерно-фортификационной техники. Условное кодированное название — объект «Вервольф» («Оборотень»). Раньше называлась «Дубовый дом». Все сооружения делала организация «Тодт», фирмы «Ференгангте арматурен гезельшафт», «МВН», «Мангейм», «Галас», «Нейман» и другие. Кроме немецких специалистов, были еще голландцы и другие иностранцы.

Бункер главной квартиры фюрера, бомбоубежище, службы находятся глубоко под землей. Стены и потолки из железобетона толщиной в три-пять метров. Все сооружения обнесены густой стальной сеткой высотой в два метра. Кроме сетки, несколько рядов колючей проволоки, через которую пропускается электрический ток. Заборы оборудованы электросигнализацией...

Гаан говорил долго. Кузнецов быстро записывал каждое его слово.

— Под лесом, с северной стороны, — электростанция. Сооружены две радиостанции, водопровод, водопровод. Для фюрера построен одноэтажный кирпичный дом. Снаружи для маскировки он обложен бревнами. Из дома ход в подземное железобетонное бомбоубежище. Перед домом оборудован специальный бетонный бассейн и разбит цветник. Вы знаете, фюрер очень любит цветы...

Все постройки выкрашены в темно-зеленый цвет. Над сооружениями посажены деревья: сос-

на, граб, дуб. Их привезли из Черного леса и Винницкого городского парка. На территории сооружены также три мощных железобетонных дота. Рядом со ставкой посадочная площадка для связанных самолетов.

Около аэродрома в Калиновке штаб-квартира рейхсмаршала Геринга. Кроме Берлина, «Вервольф» связан подземными кабелями с Киевом, Харьковом, Днепропетровском, Ростовом и Житомиром, где расположена полевая ставка рейхсфюрера Гиммлера. Вокруг леса тридцать шесть наблюдательных вышек... В пяти километрах от леса с трех сторон замаскированы батареи противотанковых орудий, с четвертой стороны, помимо батарей в лесу, вдоль линии железной дороги Калиновка — Винница постоянно курсирует бронепоезд. В лесу вокруг него в бараках расположены войска СС внутренней охраны ставки. Через каждые двести метров специальные заставы. Установлен строжайший режим. Расстрелу подлежат все посторонние лица, узнавшие о ставке. Местных жителей проверяет и фильтрует специальная группа гестапо... Вся охрана подчинена начальнику имперской службы безопасности при ставке оберфюреру СС полковнику войск СС Реттенгуберу. Он подчинен непосредственно рейхсфюреру Гиммлеру...

Так была раскрыта тайна объекта «Вервольф». Подробная информация о местонахождении ставки Гитлера была передана в Москву.

В ответ на наше сообщение мы получили короткий приказ: «Тщательно проверьте». Мы проверили. Убедились в точности полученных сведе-

ний, вторично сообщили в Москву. Новый приказ: проверить еще раз. Снова проверили (во время одной из проверок наш разведчик в Виннице лично видел Геринга вблизи), снова сообщили в Москву. Проверка затянулась. Конец ей наступил тогда, когда мощные удары Советской Армии, уже разгромившей немцев на Волге и перешедшей в решительное наступление, вынудили Гитлера срочно перевести свою полевую ставку из-под Винницы в район города Растенбурга в Восточной Пруссии (ныне территория Польской Народной Республики), где она получила уже новое кодированное название «Вольфшанце» («Волчье логово»).

Но Гитлер не забыл и о «Вервольфе». Винницкие подпольщики, связанные с нашим отрядом, видели Гитлера в 1943 году, когда он приезжал на совещание командования фронтом. Словно по иронии судьбы, это совещание проходило на территории... психиатрической больницы.

Сейчас трудно сказать, какую роль могла бы сыграть информация о ставке Гитлера, полученная разведчиками нашего отряда.

Обыскивая подбитый полубронированный автомобиль, один из участников подвижной засады, разведчик Николай Гнидюк нашел в машине великолепный пистолет «вальтер». К его удивлению, «вальтер» оказался, так сказать, «бесхозным». Дело в том, что пистолеты Райса и Гаана были, как и полагается, в кобурах. Они не успели ими воспользоваться. Не успели вынуть оружие и убитые гитлеровцы, обнаруженные в машине. Между тем налицо был лишний пистолет, в обойме которого не

хватало двух патронов, а на рукоятке были заметны следы свежей крови.

Гнидюк припомнил, что, когда он бежал к машине, оттуда слышались два выстрела, после чего он выпустил по автомобилю очередь из автомата. По-видимому, в машине находился еще один пассажир, который начал отстреливаться, был ранен в руку и невольно выпустил пистолет. Но, видать, этот пассажир — один из гитлеровских офицеров — сумел в кромешной тьме уйти незамеченным в лес.

Принадлежавший этому неизвестному немцу пистолет вызвал всеобщий интерес. «Вальтер» действительно был необыкновенным. Его рукоятка вмещала не одну, а две обоймы — четырнадцать зарядов, расположенных в шахматном порядке.

В отряде существовало строгое правило, категорически запрещавшее разведчикам пользоваться захваченным в бою оружием, чтобы потом случайно с ним не попасться в руки гестапо. Но Кузнецов, чрезвычайно любивший хорошее оружие, уговорил нас оставить ему этот четырнадцатизарядный «вальтер» у себя.

Еще через две недели наши разведчики Николай Гнидюк и Николай Струтинский (тоже участвовавший в подвижной засаде) гуляли в гитлеровской форме по Ровно. Стоял чудесный солнечный день. Разведчики проходили мимо здания офицерского госпиталя. Когда они поравнялись с крыльцом, из двери вышел высокий капитан в форме инженерных войск, сбежал по ступенькам вниз, сел

в «оппель» и уехал. Правая рука капитана была на перевязи.

Гнидюка словно что-то в грудь толкнуло.

— Знаешь, Коля, — сказал он Струтинскому, — чувствует мое сердце, что это тот самый фриц, который тогда от нас в лес ушел.

Струтинский в ответ мог только пожать плечами. Поди проверь — тот или не тот! Мало ли в Ровно раненых офицеров — хоть пруд пруди.

И вот уже летом на квартире нашей разведчицы Лидии Лисовской в доме по улице Легионов, 15 собралась офицерская компания. Хозяин пирушки был обер-лейтенант Пауль Зиберт. В этот вечер он пригласил нескольких важных для него офицеров и поэтому не поскупился на угощение. Стол ломился от коньяков, ликеров и отменной закуски. Гости веселились вовсю. Помалкивал только штурмбаннфюрер из гестапо, сидевший в дальнем углу комнаты.

Зиберт был в ударе: рассказывал анекдоты, смешные истории, танцевал с дамами — словом, был душой общества. Потом пришел Николай Гнидюк, считавшийся двоюродным братом хозяйки дома Лидии Лисовской. Ему тоже нашлось место за столом. Он налил себе рюмку коньяку, повернулся к соседу чокнуться и... замер от изумления. Рядом с ним сидел тот самый немецкий капитан, которого они со Струтинским видели возле госпиталя. На правой кисти капитана отчетливо выделялся небольшой багровый шрам. Гнидюк чуть не

поперхнулся коньяком, но все же сумел благополучно допить свою рюмку.

Разговор за столом шел о предстоящем крупном наступлении, о грядущих победах, о новом секретном оружии, которое, по слухам, в корне изменит ход войны в пользу Германии.

— О, я нисколько не сомневаюсь, что новое оружие, плод германского гения, свершит чудеса, — поддержал разговор и Зиберт. — Могу это засвидетельствовать хотя бы на таком примере. Недавно я был в командировке в Берлине, и там мне подарили пистолет совершенно оригинальной новой конструкции. Вы только представьте: четырнадцатизарядный «вальтер» с великолепным боем! Не угодно ли полюбоваться, господа?

С этими словами Кузнецов вынул пистолет из кобуры и поднял над столом для всеобщего обозрения. Послышались восхищенные возгласы. Только инженерный капитан, сосед Гнидюка, не разделял любопытства остальных офицеров.

— Ну, не очень-то хвастайтесь, Зиберт, — сказал он. — Вы не первый обладатель четырнадцатизарядного «вальтера». У меня еще раньше, чем у вас, был точно такой же. Был да сплыл при довольно трагических обстоятельствах.

— Расскажите, капитан, — слышалось со всех сторон.

— Что ж, если угодно. Как вы все помните, господа, несколько месяцев назад партизаны совершили нападение на машину, в которой ехали в Ровно из Киева мой бедный друг имперский со-

ветник подполковник фон Райс и майор граф Гаан. Я находился в тот ужасный момент в этой же самой машине...

Сидевший в дальнем углу гестаповец неожиданно оживился. Его маленькие глазки-буравчики впились в лицо капитана.

— Значит, вы можете рассказать об их судьбе? — перебил он рассказчика. — Они ушли вместе с партизанами?

— Как вы можете так думать о немецких боевых офицерах? — с неприязнью взглянув на гестаповца, резко ответил капитан. — Я видел под-

полковника Райса и майора Гаана в последний раз без всяких признаков жизни, до конца выполнившими свой долг перед фюрером и Германией. В отличие от некоторых людей, которые должны были обеспечить их безопасность и не допустить подобного нападения под своим собственным носом...

Последнее ядовитое замечание было направлено явно в адрес гестаповца. Тот побагровел, но смолчал. Возражать дерзкому капитану означало признать, что недвусмысленный намек попал точно в цель.

Капитан продолжал под общее молчаливое одобрение свой рассказ:

— Так вот, когда случилась вся эта история, со мной как раз был такой «вальтер», как тот, что вам только что демонстрировал обер-лейтенант Зиберт. Я отстреливался, кажется, убил двух бандитов, но был сам ранен в правую руку и выронил пистолет в снег. Каким-то чудом мне единственному удалось выбраться из машины и, раньше чем к ней подбежали партизаны, скрыться в лесу. Таким образом я спас жизнь, но лишился пистолета. Самое обидное, что им сейчас пользуется какой-нибудь невежественный русский дикарь, который даже не понимает, какое великолепное оружие ему случайно досталось. И, поверите ли, господа, я до конца жизни буду помнить номер того пистолета — 46710.

«Русский дикарь» невольно взглянул на пистолет, который продолжал держать на ладони. На синей вороненой стали виднелись пять цифр: 46710.

Игра могла кончиться трагично — стоило лишь кому-нибудь из соседей Кузнецова попросить пистолет. Но Пауль Зиберт, исправляя собственную ошибку, мгновенно нашел, пожалуй, единственный, но психологически удивительно точный ход. Такой ход мог найти лишь разведчик, мгновенно ориентирующийся в любой самой неблагоприятной ситуации. Он медленно поднес пистолет к глазам как бы для того, чтобы лучше разглядеть, и, словно между прочим, переспросил:

— Какой, вы сказали, был номер вашего «вальтера»?

— 46710, — повторил капитан.

— Тогда я сдаюсь, — с добродушной улыбкой сказал Николай Иванович. — У моего номер больше. Значит, вы действительно владели таким замечательным пистолетом раньше меня, — и спокойно спрятал злополучный «вальтер» в кобуру.

— А теперь, господа, — громко предложил он, — выпьем за славу нашего оружия, за нашу полную и окончательную победу! — И встретился взглядом с широко улыбающимся ему Николаем Гнидюком.

Крах операции „Цитадель“

Летом 1943 года на вечеринках у Лиды Лисовской состоялось несколько весьма интересных для советской разведки бесед.

— Нет, пани Лидия, — вальсируя, рисовался перед Лисовской высокий надушенный капитан, — эта Россия все-таки дикая страна. О, разумеется, — он галантно поклонился, — в ней встречаются красивые женщины, но все-таки попасть сюда после Парижа... Согласитесь, это ужасно.

— Чем же вы провинились, Людвиг, что вас наказали поездкой на Восточный фронт?

— Решительно ничем. С Елисейскими полями

пришлось распроститься всем моим сослуживцам. Командир моего батальона майор Кун, когда узнал, что пришел приказ отправиться в какой-то Белгород, так напился, что выпал из автомобиля. Бедняга до сих пор в госпитале.

В другом углу комнаты Майя сочувственно выслушивала излияния грузного танкиста.

— Мои друзья уже давно командуют батальонами, а я все сижу на роте.

— А почему?

— Да разве можно отличиться, когда мы уже второй год топчемся под Ленинградом на одном и том же месте! Но уж теперь я не упущу случая и привезу после Орла «дубовые листья»...

— А что это значит: «дубовые листья»? — спросила Майя.

— О, это самая высокая награда! Рыцарский крест с дубовыми листьями, который вручает лично фюрер за особые боевые подвиги.

Другой танкист пил в это время на брудершафт с Кузнецовым.

— Где ты так загорел? — как бы невзначай спросил Кузнецов своего собутыльника. — На каком курорте?

— Хорош курорт! — ответил тот. — Хотел бы я поглядеть на тебя после того, как ты пожарился бы год под африканским солнцем. Нет, что ни говори, пустыня — это не место для белого человека. Кстати, ты говорил, что тебя зацепило под Курском. Не дашь ли адресок какой-нибудь красоты?

Стало ясно, что гитлеровское командование за-

тевает что-то очень серьезное в районе Курска и Орла.

Кое-какие сведения на этот счет поступили в штаб отряда и из других источников. Сторож-старик на одном из переездов через железную дорогу близ станции Здолбуново рассказал нашему разведчику, что накануне в сторону фронта проследовало пятнадцать эшелонов с танками.

— И скажи ты мне на милость, — удивленно покачал он головой, — и что это за танки такие? Как есть желтые...

«Как есть желтые танки» оказались из африканской армии Роммеля. Немцы почему-то так спешно перевозили их на Восточный фронт, что даже не успели сменить желтую «африканскую» окраску на обычную грязно-зеленую.

Все эти сведения, которые скрупулезно собирались нашей разведкой, позволили установить, что: из Франции в Белгород передислоцируется пехотная дивизия;

из-под Ленинграда на Орел кружным путем следует танковая дивизия;

с африканского театра военных действий немцы перебрасывают под Курск свои танковые части.

Сообщив обо всем в Москву, наш отряд усилил разведку, в первую очередь на транспорте и на линиях связи. И тут особую роль суждено было сыграть действовавшему под руководством нашего отряда партизанскому подполью в небольшом городке Здолбунове под Ровно.

Станция Здолбуново к весне 1943 года приобрела для гитлеровцев особое значение. Через Здол-

буновский узел фактически осуществлялось все основное снабжение фашистской армии на Восточном фронте. Дело в том, что к этому времени другие железнодорожные магистрали, проходящие с запада на восток через Брест, Ковель и Тернополь, почти не использовались — их парализовали многочисленные действующие здесь партизанские отряды. По той же причине почти не ходили поезда по линиям Брест — Минск и Ковель — Сарны. Линия Вена — Львов — Здолбуново — Шепетовка поневоле стала главной транспортной артерией, питавшей гитлеровский фронт. Через эту станцию днем и ночью с промежутками в несколько минут проходили эшелоны с живой силой, военной техникой, боеприпасами.

Гитлеровцы отлично понимали, какое значение имеет Здолбуновский узел, и охраняли его пуще глаз. Теперь его охрана была усилена еще больше. Станция и город кишели гестаповцами, жандармами, полицией.

Вести разведывательную и диверсионную работу в таких условиях было очень трудно. И все же она велась. Немцы не знали покоя на линии. Взлетали на воздух эшелоны с живой силой и техникой, полыхали склады боеприпасов, один за другим выходили из строя локомотивы, только что «отремонтированные» в Здолбуновском депо. Гестаповцы сбивались с ног в поисках виновных, но безрезультатно. Еще бы: они искали «бандитов» где угодно, но только не в самом Здолбунове. Здесь обычно все было тихо. Эшелоны взрывались лишь через десять-пятнадцать часов после того,

как миновали станцию. Немецкий же комендант Здолбунова жил спокойно — на вверенной его попечению станции всегда все было в порядке, никаких чрезвычайных происшествий. Таков был замысел наших партизан и разведчиков.

И все же через станцию непрерывно следовал поток вражеских эшелонов, несущих смерть советским воинам. Горько становилось на душе от сознания этого. Удовлетворение давало лишь то, что собираемые здесь сведения приносят немалую пользу советскому командованию.

До сих пор контроль наших разведчиков, имевших доступ на станционные пути, подвергались лишь поезда, хотя бы на пять-десять минут останавливающиеся в Здолбунове. Установить же, что собой представляют эшелоны, минующие станцию без остановки, за редким исключением не представлялось возможным. Между тем наше командование, понимая, что летом немцы непременно попытаются перейти в наступление, чтобы исправить свое незавидное положение на фронте, требовало: «Не оставляйте ни одного железнодорожного состава без обследования!»

Надо было найти пути к надежному источнику информации о работе Здолбуновского узла. И это осуществил скромный партизан-подпольщик комсомолец Авраамий Иванов.

Судьба забросила его на эту станцию после окружения, в которое он, боец Советской Армии, попал в 1941 году. Теперь он работал уборщиком на путях. Подпольщики давно обратили внимание на этого малоразговорчивого молодого человека,

но принимать в свою среду не спешили. Кое-кто находил Иванова слишком угрюмым и настороженным. Наконец состоялся разговор начистоту, и Иванову предложили вступить в подпольную организацию.

— Конечно, я согласен выполнить любое задание, — просто и по своему обыкновению лаконично ответил Авраамий.

Вначале мы предполагали использовать Иванова лишь как связного между здолбуновцами-подпольщиками и отрядом, находившимся в лесу, но вскоре он проявил себя и как бесстрашный и находчивый разведчик. Он умудрился достать бесплатный проездной билет и пропуск, дающий право проезда даже на товарных воинских эшелонах. Почти ежедневно, невзирая ни на погоду, ни на усталость, в плохонькой одежонке, не спасающей ни от дождя, ни от ветра, Авраамий садился в поезд, ехал до станции Клевань, а оттуда уже пешком отмеривал четыре километра до «зеленого маяка» — поста нашего отряда в лесу. Там он отдавал донесение дежурным разведчикам и сразу же отправлялся в обратный путь. Рано утром он обязан был с точностью до минуты явиться на работу. Несколько раз ему удалось побывать и в отряде — кусочке свободной советской земли в глубоком тылу врага. Эти дни становились для него праздником.

Однажды во время очередного появления в лагере он вручил мне пакет, а сам скромно отошел в сторонку, время от времени поглядывая на меня своими большими, широко, по-детски, раскрытыми

глазами. Я вскрыл пакет и — обомлел. В руках у меня находился отпечатанный под копирку чрезвычайно важный документ — экземпляр совершенно секретной ежедневной оперативной сводки немцев о прохождении поездов через Здолбуново. Сводка содержала решительно все: количество эшелонов, число вагонов в каждом, наименование груза, станции отправления и назначения. Последующая проверка полностью подтвердила полную достоверность информации.

Авраамий рассказал, как он сумел привлечь к разведывательной работе в пользу Советской Армии во-

енного оператора станции — чеха из Судет, по имени Йозеф, который по документам считался немцем и против своего желания был призван в вермахт. Йозеф был чешским патриотом, убежденным антифашистом и согласился помогать нашей разведке.

В служебные обязанности оператора входило печатать на машинке в двух экземплярах ежедневную секретную сводку о всех проходящих через Здолбуново поездах. Один экземпляр шел начальнику военных сообщений гитлеровской армии, второй предназначался для военного коменданта станции и хранился в специальном сейфе под круглосуточной охраной часового. Теперь Йозеф стал закладывать в машинку третий листок бумаги.

На протяжении многих недель Иванов доставлял в отряд сведения огромной ценности. Их анализ с абсолютной точностью установил: гитлеровцы стягивают к Курской дуге огромное количество живой силы и техники. Объяснение могло быть только одно: где-то здесь в ближайшем будущем готовится немецкое наступление. Судя по размаху подготовки — одно из крупнейших.

Некоторые сведения о подготавливаемой гитлеровцами наступательной операции под кодированным названием «Цитадель» мы получили и от Николая Кузнецова.

...В 2 часа дня 31 мая 1943 года к двухэтажному особняку с колоннами на Шлосштрассе подкатила пролетка. Здание это хорошо знали в городе. Некогда в нем была губернская гимназия, в которой учился знаменитый писатель В. Г. Королен-

ко, и горожане очень гордились этим обстоятельством. Теперь же... Теперь особняк занимал сам рейхскомиссар Украины и гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох.

Местные жители теперь почти не бывали на Шлосштрассе: все знали, что здесь на каждом углу торчит жандарм или гестаповец в штатском. В этот же день людей, со скучающим выражением лица прогуливавшихся мимо железной решетчатой ограды, было даже больше, чем обычно.

Из пролетки вышел подтянутый обер-лейтенант. «Железный крест» первого класса и значки ранений показывали, что он заслуженный фронтовик. Он был не один: его сопровождала спутница — совсем молоденькая худенькая девушка. У дверей особняка их приветливо встретил другой офицер с капитанскими погонами.

— Добрый день, фрейлейн Вала! Здравствуйте, Пауль! Вы пунктуальны, друзья.

Офицеры пожали друг другу руки и вошли в комнату охраны.

Капитан подошел к дежурному эсэсовцу и уже совсем другим тоном — сухо и властно — спросил:

— Пропуска для обер-лейтенанта Зиберта и фрейлейн Довгер готовы?

Все было в порядке. «Интересно, кто эти двое, — подумал дежурный, — если их встречает в дверях сам капитан фон Бабах, личный адъютант господина рейхскомиссара...»

У капитана фон Бабаха были свои основания помочь обер-лейтенанту Паулю Вильгельму Зибер-

ту и его невесте фрейлейн Валентине Довгер получить аудиенцию у рейхскомиссара Коха. Когда уже второй месяц чертовски не везет в карты, приходится дорожить знакомством с человеком, у которого всегда можно одолжить пятьсот, а то и тысячу марок, причем не спешить с отдачей.

С Паулем Зибертом капитана фон Бабаха познакомил... простой обер-ефрейтор. Впрочем, совсем не простой, а такой, что его даже пускали в ресторан «Дойчегофф», куда нижним чинам ходить было не положено, — всем, за исключением обер-ефрейтора Шмидта, дрессировщика собак господина рейхскомиссара. Обер-ефрейтор Шмидт считался одним из лучших дрессировщиков во всей Германии, и, судя по тому, как беспрекословно подчинялась каждому его жесту огромная овчарка, с которой он не расставался даже в ресторане, так оно и было на самом деле.

Обер-ефрейтора Шмидта же сблизил с обер-лейтенантом Зибертом именно любовь к собакам. Обер-лейтенант был в восторге от исключительного мастерства Шмидта и попросил его даже достать для него самого овчарку, разумеется за хорошее вознаграждение. Зиберт был настолько любезен, что часть денег (и немалых) дал вперед. Шмидт был человеком добросовестным и обещал отобрать для обер-лейтенанта самого лучшего щенка. Господин Зиберт оценил обязательность и услужливость обер-ефрейтора и предложил ему после войны занять хорошее место дворецкого в своем имении в Восточной Пруссии. Шмидт был в восторге — ни о чем лучшем он и не мечтал! «Я служил

в лучших домах, — заверял он Зиберта, — и умею угодить господам».

Теперь Шмидт был предан обер-лейтенанту и телом и душой и относился к нему, как к своему будущему хозяину.

Естественно, что обер-ефрейтор Шмидт был счастлив познакомиться господина обер-лейтенанта со своим прямым начальником — капитаном фон Бабахом — и очень радовался, что оба офицера быстро стали друзьями.

Бабаху Зиберт нравился, хотя в глубине души он, как многие тыловики, завидовал «железным крестам» обер-лейтенанта.

— Будь у меня ваши заслуги, — откровенно признался он как-то Зиберту, — уж я бы не терялся и сделал бы карьеру...

Пауль в ответ только улыбался. Судя по всему, он вовсе не стремился к карьере, по-видимому, его вполне удовлетворяло положение просто богатого человека.

После того как Зиберт несколько раз выручил Бабаха довольно крупными суммами, капитан стал искать повода отблагодарить чем-нибудь нового друга. В конце концов он все же был одним из самых влиятельных людей в Ровно!

Вот почему фон Бабах был рад, когда ему представился случай показать Зиберту это свое влияние.

Фрейлейн Валентина Довгер, «невеста» обер-лейтенанта, получила, как и сотни девушек в Ровно, повестку об отправке на работу в Германию. Зиберт обратился за содействием к Бабаху.

— Отменить распоряжение может только Кох,— объяснил капитан.— Если фрейлейн Довгер действительно, как вы говорите, фольксдойче *, то я могу устроить, чтобы он вас принял.

Фон Бабах не бросал слов на ветер. Вечером 30 мая Зиберт получил от него записку с уведомлением: завтра к двум часам явиться к рейхскомиссару.

Адъютант умер бы от разрыва сердца, если бы ему суждено было узнать, что истинной задачей советских разведчиков Николая Кузнецова и его «невесты» Валентины Довгер было уничтожение кровавого палача украинского народа Эриха Коха. В кармане серого офицерского френча Кузнецова лежал заряженный пистолет на боевом взводе, и не зря разведчик долгими часами учился в лесу стрелять из него навскидку, не целясь. На козлах щегольского экипажа, поджидавшего его у подъезда особняка, в качестве кучера сидел Николай Гнидюк. Под козлами — автомат и несколько гранат. Несколько «лишних» людей, прогуливавшихся по Шлосштрассе, были вовсе не лишними и отнюдь не случайными. Они должны были прикрыть отход Николая Ивановича после выполнения им акта возмездия.

Аудиенция у рейхскомиссара состоялась. Однако охрана Коха была столь тщательно продуманной, что уничтожение фашистского наместника оказалось совершенно невозможным. Даже в лич-

---

* Фольксдойче — местные жители немецкого происхождения. Пользовались в период оккупации различными льготами.

ном кабинете полномочного представителя фюрера около кресла для посетителя лежали настороже две огромные овчарки, натасканные стараниями обер-ефрейтора Шмидта на людей, за спиной замерли эсэсовцы, готовые схватить при малейшем подозрительном движении.

Такого оборота дела Кузнецов не ожидал. Почтительно отвечая на ленивые, безразличные вопросы рейхскомиссара, он лихорадочно перебирал в голове всевозможные планы. Все напрасно. Стрелять нельзя. Даже руку к карману поднести не позволят — разорвут. С горечью разведчик вынужден был смириться с неудачей.

Позже, вернувшись в отряд, Николай Иванович говорил мне, что, зная он заранее об условиях, в которых Кох принимает посетителей, он все же убил бы рейхскомиссара, пожертвовав собственной жизнью. Это можно было бы сделать, взорвав спрятанную на теле мину или мощную противотанковую гранату.

Я глубоко убежден, что бесстрашный патриот пошел бы на геройское самопожертвование, если бы оказался на приеме у Коха вторично. Но другого такого случая уже не представилось.

...Между тем разговор принял неожиданно интересный поворот. Первые минуты Кох был хмур. Говорил сухо и раздраженно. Выбор Зиберта ему явно не нравился.

— Одумайтесь, обер-лейтенант, — говорил рейхскомиссар, — вы кадровый офицер германской армии, а связались с какой-то местной девицей весьма сомнительного происхождения.

— Фрейлейн Валентина Довгер — чистокровная арийка, — почтительно возразил Кузнецов. — Ее покойный отец был человек, преданный фюреру и великой Германии, с большими заслугами. Именно поэтому его, к несчастью, убили партизаны.

Кох немного смягчился. Словно забыв, что в приемной ждут своей очереди несколько генералов и ответственных чиновников, он постепенно втягивался в беседу с простым офицером.

— Где вы родились, Зиберт? — спросил он между прочим.

— В Восточной Пруссии, господин рейхскомиссар.

— В Пруссии? Приятно слышать, значит мы с вами земляки, ведь это мое гау*. А кто ваши родители?

— Мой отец был управляющим имением князя Шлобиттена неподалеку от Эльбинга, господин рейхскомиссар. Я сам после смерти отца и до поступления в военное училище служил там же помощником нового управляющего.

— Подождите, подождите, — прервал собеседника Кох и задумался. Потом, оживившись, он повернулся к присутствовавшему в кабинете генералу. — А ведь я его помню! Помню! В тридцать пятом году я охотился в тех местах и обедал в замке Шлобиттена. Теперь я припоминаю, что разговаривал с управляющим и его помощником. Значит, это были вы. Что же вы молчали?

— Так точно, господин рейхскомиссар, это дей-

---

* Гау — область.

ствительно был я, — скромно признался изумленный в глубине души Кузнецов. И добавил: — Для меня большая честь, что вы запомнили этот случай. У вас редкая память. Сознаюсь, что не решался сам напомнить об этом...

Действительно, произошло нечто невероятное: Кох признал в советском разведчике бывшего помощника управляющего имением в Восточной Пруссии, в котором Николай Иванович Кузнецов отродясь не бывал, хотя и мог без запинки описать замок Шлобиттена со всеми подробностями.

— Ну ладно, ладно, — Кох снисходительно махнул рукой. Он подтянул поближе к себе ходатайство обер-лейтенанта и черкнул несколько строк: распоряжение об отправке в Германию Валентины Довгер отменить, зачислить ее на работу в рейхскомиссариат.

Почтительный и brave фронтовик, кавалер «железных крестов» обеих степеней, к тому же «земляк» снискал расположение рейхскомиссара.

Теперь Кох уже разговаривал вполне дружелюбно, угостил обер-лейтенанта великолепными египетскими сигаретами, даже с собой дал коробку в подарок. К сожалению, Кузнецов чувствовал, что расположение рейхскомиссара никак не отразилось на подозрительности охранников-эсэсовцев. Они по-прежнему не спускали с него настороженных глаз, и все так же чутко подрагивали уши овчарок.

Выпуская изо рта кольца голубого дыма, Кох продолжал задавать вопросы:

— А где вы были ранены, Зиберт?

— Под Курском, господин рейхскомиссар.

Только из-за ранения вынужден временно, до полного выздоровления, служить в тылу. С нетерпением жду возвращения на фронт, в свою роту.

— Ну, скоро вы получите удовлетворение за свою рану — через полтора-два месяца, не позже. Фюрер готовит большевикам сюрприз, и как раз в том районе.

От неожиданности Кузнецов едва не вздрогнул. Может быть, он ослышался? Нет, не ослышался. Сам рейхскомиссар Украины и гауляйтер Восточной Пруссии в случайном разговоре с каким-то обер-лейтенантом выболтал военную тайну о намечаемой гитлеровской ставкой важной операции.

Едва ли господин рейхскомиссар подозревал, что его беседа с одним из обычных посетителей с точностью до каждого слова будет в тот же вечер передана в Москву.

...Кузнецов закрыл за собой дверь в кабинет Коха. Ожидавшая в приемной Валя Довгер вскочила со стула. В больших серых глазах ее застыл немой вопрос: «Почему не стрелял?»

Весело помахивая листом бумаги с резолюцией Коха, Кузнецов громко сказал:

— Все в порядке, дорогая, господин рейхскомиссар любезно удовлетворил нашу просьбу. Тысячу раз благодарю вас, капитан!

Последняя часть фразы предназначалась фон Бабаху. Генералы в приемной с завистью смотрели на бравого обер-лейтенанта, снискавшего благосклонность самого Эриха Коха.

Подхватив ничего не понимающую Валью под

руку, Кузнецов быстро покинул особняк, сел в пролетку и коротко бросил своему «кучеру»:

— Трогай!

Заокали подковы по булыжной мостовой. Исчезли, растворились куда-то несколько человек, прогуливавшихся по не слишком многолюдной Шлосштрассе.

Рейхскомиссар и гауляйтер Эрих Кох 31 мая 1943 года остался жив, но зато в стене тщательно охраняемой «Цитадели» в этот день была пробита брешь. Советское командование заблаговременно узнало о готовящемся «решительном» наступлении немцев под Курском.

Уже полыхала огнем курская земля, когда мы получили из Москвы приказ: любой ценой взорвать двухколейный железнодорожный Прозоровский мост через реку Горинь между Здолбуновом и Шепетовкой. Уничтожение моста прервало бы снабжение фашистской армии в самое неподходящее для гитлеровцев время — в разгар сражения.

Это была нелегкая задача. Мост охраняла усиленная рота солдат. По обе стороны моста в небо угрожающе уставились стволы зенитных орудий. Наши разведчики насчитали в этом районе также несколько замаскированных зенитных батарей и до двух десятков пулеметных гнезд. По ночам через каждые пять-десять секунд над мостом взлетали осветительные ракеты и медленно опускались на парашютиках, заливая окрестности ослепительно белым светом.

Ни о какой лобовой атаке не могло быть и речи. Годилось только одно решение: сбросить на мост мину с поезда. Для этого нужен был снаряд огромной разрушительной силы весом в 40—50 килограммов. Изготовить такой снаряд большого труда не составляло, но как его доставить на мост? Ведь немцы тщательно следили за тем, чтобы на поезда, следующие через мост, не мог проникнуть никто из посторонних.

Выполнить операцию поручили Николаю Гнидюку и здолбуновской подпольной группе. Выбор командования был не случаен. Этот невысокий жизнерадостный юноша с веселыми карими глазами завоевал в отряде репутацию смелого и изобретательного разведчика, не теряющегося ни при каких обстоятельствах. Несмотря на свою молодость, он уже имел основательный жизненный опыт. Уроженец Западной Украины, Гнидюк в 1937 году, еще совсем юношей, за участие в революционном движении был осужден правительством панской Польши на два года тюремного заключения. Освободила его советская власть. По профессии Гнидюк — железнодорожник, помощник машиниста. В Ровно и Здолбунове он работал, пользуясь изготовленными в нашем отряде превосходными документами на имя пекаря Яна Багинского.

Среди всякой дряни, всплывшей во время оккупации на поверхность, «пан Багинский» пользовался почетом и уважением как крупный воротила на ровенском черном рынке.

На самом же деле спекулянтом Коля — «гарные очи», как называл его Медведев, — был весьма

посредственным. Все его коммерческие дела не завершались полным разорением лишь благодаря солидной дотации оккупационными марками, которую он регулярно получал в отряде. Но зато Коля давал нам прибыль в другом: в добывании ценнейшей информации. А уж в этом деле он был мастером настоящим.

Руководство деятельностью здолбуновских подпольщиков мы осуществляли через Николая, у которого в городке было много надежных людей. У младшей сестры одного из них — поляка Владека Пилипчука — Николай предполагал остановиться на этот раз. Ванде, крепкой жизнерадостной девушке, было тогда всего семнадцать лет, но она уже выполнила не одно наше задание, и Гнидюк мог на нее положиться во всем.

В доме на Долгой улице, куда зашел Николай, разведчика ждал сюрприз. За накрытым столом, расстегнув тугой воротник, сидел осанистый мужчина лет сорока пяти в черном гестаповском мундире. Делать было нечего, пришлось знакомиться: Ян Багинский, двоюродный брат панны Ванды.

Не слишком обрадованный новым гостем, мужчина хмуро представился Генеком Ясневским, сотрудником отдела гестапо по охране железнодорожных объектов.

Подозрительность и недовольство Ясневского Гнидюку и Ванде удалось побороть, лишь влив в него несколько стаканов самогона. Язык гестаповца развязался, и он стал беззастенчиво хвастаться, рассказывая о своих успехах по службе и тому подобном. Но на каком-то очередном стакан-

чике его настроение резко изменилось, он размяк и с пьяной слезливостью стал жаловаться Гнидюку на свою нелегкую долю, на полученную от партизан рану, на плохое отношение сослуживцев-немцев к полякам.

— А я добрый поляк и католик, — жаловался он, — и кабы не гроши, нипочем бы не стал служить в этом проклятом гестапо...

Наконец Ясневский изъявил желание отправиться домой спать. Николай пошел его проводить. Возле калитки гестаповец обнял его за шею и, отдав спиртным перегаром, зашептал на ухо:

— И не думайте, пожалуйста, что эти немцы такие уж большие умники. Да и партизаны тоже. Будь я на их месте, я бы такое устроил немцам, пся крев!

Когда Гнидюк вернулся, Ванда рассказала ему, что Ясневский влюбился в нее по уши и уже две недели уговаривает выйти за него замуж, обещая озолотить и даже достать «синеву с неба». «Синевы с неба» от Ясневского Ванде не нужно было, но она вынуждена морочить ему голову, чтобы избежать угона в Германию.

О знакомстве с гестаповцем Гнидюк сообщил в отряд. Мы предложили Николаю привлечь к делу Ясневского, используя его влюбленность в Ванду и еще более сильное чувство — патологическую жадность к деньгам.

Гнидюк сумел очень быстро обработать Ясневского, и тот ради любви к родине и к Ванде согласился давать различные сведения. И тут же поин-

тересовался, сколько ему за эти сведения будут платить. Ответ его удовлетворил вполне.

В присутствии Ванды Ясневский поклялся перед иконой богоматери, что никого никогда не выдаст, и подписал присягу.

Ясневский, как оказалось, принял Гнидюка за эmissара польского эмигрантского правительства в Лондоне, потому что частенько потом распибался перед ним в преданности «Ржечи посполитой» и просил при первой возможности отправить его самолетом в Англию.

От Ясневского мы стали регулярно узнавать намерения гестапо, даты облав, пароли для ночного хождения по городу, расположение секретных постов, имена агентов.

Наконец Гнидюк потребовал от Ясневского помочь ему во взрыве моста. Подумав, тот ответил, что попробует переговорить на этот счет с одним из своих секретных агентов — проводником вагонов Михалем Ходаковским из фольксдойче.

— Это такой пьяница, пан Багинский, — сообщил «высокоидейный борец» Ясневский, — что за гроши продаст мать родную.

На следующий день Ясневский сообщил, что Ходаковский за две тысячи рейхсмарок (что равнялось 20 тысячам оккупационных) согласен сбросить мину из тамбура своего вагона на мост. Половину денег — вперед, остальные можно после.

Мы дали Ясневскому 10 тысяч оккупационных марок и лишь потом узнали, что из них Ходаковскому перепала лишь половина. Другую половину

Ясневский оставил себе, должно быть как память о своих патриотических поступках.

По окончательному плану действий Ванде было поручено перенести взрывчатку из дома семьи Шмерег (наших подпольщиков) на квартиру нашего же разведчика Жоржа Жукотинского. Сестра Ванды Марыся была женой Жоржа, но она не подозревала о подпольной деятельности своих ближайших родственников.

Утром Ванда отправилась по названному ей адресу на улицу Изана Франко. Около нужного дома остановилась, огляделась по сторонам. Убедившись, что никто за ней не следит, поднялась на крыльцо и негромко постучала. На стук отворила худощавая женщина средних лет, спросила неприветливо:

— Что нужно?

Холодный тон не смутил девушку. На оккупированной территории незванным, тем более незнакомым гостям никто не радовался.

Ответила словами пароля:

— У вас продается новое платье?

Все тем же безразличным тоном женщина ответила:

— Да. Вам оно подойдет.

В доме девушке указали на коричневый средних размеров чемодан.

— Донесешь?

— Конечно, донесу, — беззаботно сказала девушка, взялась за ручку и... охнула. В чемодане было добрых три пуда. Мина была слишком тяжелым грузом даже для такой крепкой дивчины, как Ванда, но пронести смертоносный груз через весь

город должна была по разработанному нами плану операции именно она, и никто другой. Крепко зажав в мгновенно вспотевшей ладони кожаную ручку, Ванда решительно шагнула к двери.

На улице девушка невольно зажмурилась от слепящих лучей щедрого летнего солнца. На секунду ей даже показалось, что они насквозь пронизывают фанерные стенки чемодана, раскрывая перед всем городом тайну его содержимого. Но она шагала, не меняя руку до той поры, пока не онемели пальцы.

Девушка не знала, что за ней неотступно следуют незнакомые ей люди, готовые при первой тревоге с оружием в руках защитить и ее и груз.

Резкий мужской голос неожиданно остановил ее:

— Могу я просить панну об услуге?

Широко расставив ноги в высоких лакированных сапогах, перед ней стоял немецкий офицер. Из-под козырька низко надвинутой фуражки на Ванду в упор смотрели светлые немигающие глаза. У девушки во рту пересохло. С трудом она изобразила на лице нечто вроде улыбки. Офицер спросил:

— Как пройти на Долгую улицу?

Ванда объяснила, стараясь унять невольную дрожь. Офицер поблагодарил, небрежно бросил к козырьку два пальца. И вдруг — или это только показалось? — в светлых глазах офицера словно отдернули невидимые занавески. Почему-то сразу успокоившись, девушка смотрела в них теперь прямо, без страха. И неожиданно улыбнулась, на этот раз естественно, само собой. И в ту же секун-

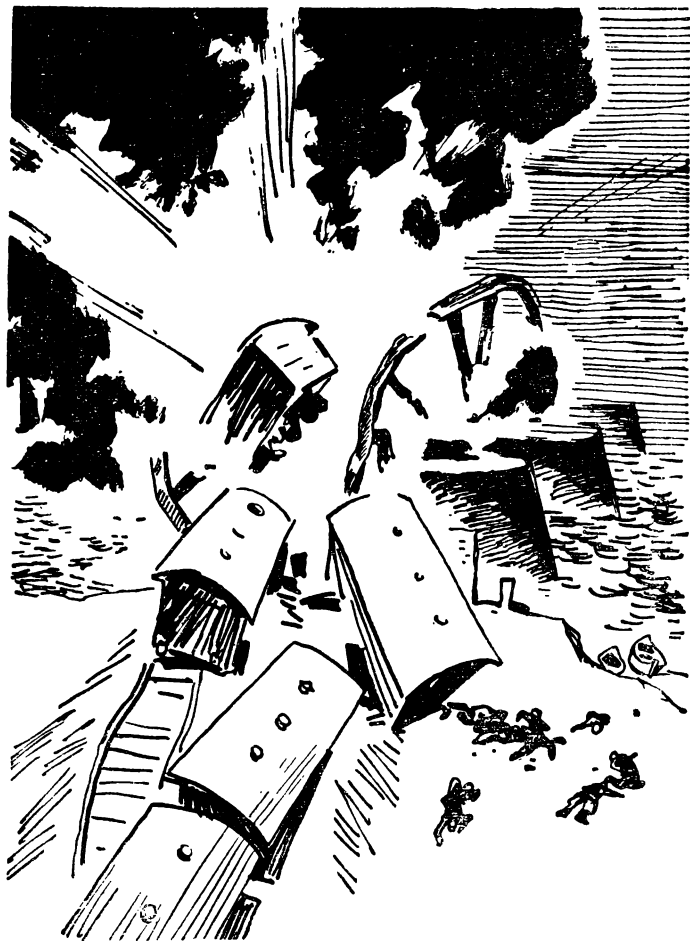
ду взгляд офицера снова стал жестким и сухим. Он четко повернулся на каблуках и зашагал в указанную сторону.

Так Ванда Пилипчук в первый и последний раз в жизни встретила с Николаем Кузнецовым. Обер-лейтенант Пауль Зиберт по нашему указанию специально приехал в Здолбуново, чтобы выручить Ванду из беды, если этого не сможет сделать партизанская охрана. Для такого случая в кармане его френча находилось мощное средство — металлический овальный жетон особо доверенного сотрудника гестапо.

Чемодан с взрывчаткой был благополучно доставлен по назначению. Здесь он попал в умелые руки Николая Гнидюка и Жоржа Жукотинского, которые окончательно снарядили мину.

Снаряженная мина была в конце концов передана пану Ясневскому, и тот утром следующего дня вручил ее в присутствии Ванды Михалю Ходаковскому, успевшему, несмотря на ранний час, приложиться для храбрости к бутылке.

Хоть мы и опасались, Михаль Ходаковский честно выполнил свое обещание. 12 августа 1943 года в 2 часа дня, когда эшелон проходил по железнодорожному мосту, он столкнул мину на рельсы... С грохотом раскололось небо над Горинью, рухнули искореженные фермы, полетели в воду хвостовые вагоны состава, увлекая на дно украинской реки гитлеровских солдат, офицеров, танки, орудия, боеприпасы. Попасть на фронт им, видно, не было суждено. Прозоровский мост перестал существовать.

Две недели немцы растаскивали обломки моста и вагонов. Поначалу гестапо решило, что диверсию совершили солдаты из охраны моста, разбежавшиеся от страха по окрестным селам. Их стали вылавливать и расстреливать на месте без суда. Но потом гитлеровцы все же напали на правильный след. Михаль Ходаковский, обожженный при взрыве, попал в госпиталь. Сосед по палате угостил его водкой, и захмелевший проводник проболтался, что взрыв — дело его рук. Гестаповцы ринулись искать соучастников, но было поздно. Всех, кого следовало, мы уже переправили в лес, в расположение отряда.

Так было выполнено ответственнойшее задание Москвы. В самый разгар грандиозной битвы на Курской дуге основная транспортная магистраль, обеспечивавшая фашистскую действующую армию, была на две недели выведена из строя.

Выстрелы на Шлосштрассе

Косени 1943 года дни фашистской оккупации на Украине были сочтены. Но именно в те дни, когда Советская Армия успешно наступала, надо было усилить и диверсии и активность партизан в тылу врага, теперь уж не таком глубоком. На совещании в штабе нашего отряда было принято решение: не ослабляя добычи разведывательных данных о гитлеровской армии, казнить некоторых особо ненавистных народу фашистских сатрапов, находившихся в Ровно. Эта операция носила у нас условное наименование «Дар».

Разумеется, первым, как и раньше, в этом

списке палачей стояло имя Эриха Коха, рейхскомиссара Украины и гауляйтера Восточной Пруссии. Но наместник фюрера, напуганный размахом всенародной партизанской борьбы на Украине, предпочитал отсиживаться в эти дни подальше от своей так называемой «столицы». Тогда ему удалось избежать пули, но справедливого возмездия он не избежал. Через много лет польский народный суд приговорил его к повешению. Вторым в списке стояло имя Пауля Даргеля.

Генерал Даргель, официально носивший звание правительственного президента, был первым заместителем Коха по политическим и партийным делам. Фактически он замещал Коха во время его частых и длительных отлучек по всем вопросам. Населению Ровно да и всей Украины его имя было особенно ненавистно, так как именно Даргель подписывал бесчисленные приказы, облеплявшие стены домов и заборы. «Запрещается, запрещается, запрещается...» За нарушение только одно наказание — смерть. И это были не пустые угрозы. Расстрелы советских людей не прекращались ни на один день.

Николаю Кузнецову была поручена ликвидация Даргеля. Он представил командованию отряда свой план действий, который затем был утвержден.

По заданию Кузнецова наша разведчица Валя Довгер, работавшая в рейхскомиссариате, успела уже хорошо изучить распорядок дня и привычки «правительственного президента».

Даргель жил на той же Шлосштрассе, одной из красивейших улиц города, где располагался и рейхс-

комиссариат. Его двухэтажный особняк находился всего в четырехстах метрах от здания рейхскомиссариата.

Обычно генерал разъезжал по городу в машине — большом «оппеле» с номерным знаком «R4», но обедать домой ходил всегда пешком: ровно в 2.30. («Хоть часы по нему проверяй», — рассказывала Валя.)

Прогулка Даргеля сопровождалась определенным ритуалом. Примерно минутой раньше на улице появлялись его личные телохранители: рыжеусый жандармский фельдфебель и гестаповец в штатском.

Они внимательно и придирчиво проглядывали Шлосштрассе, проверяя, нет ли на ней подозрительных лиц. «Подозрительным» же лицом считался любой местный житель, которым было категорически запрещено появляться на этой улице, кроме как по особому вызову в рейхскомиссариат.

Лишь тогда из ворот выходил Даргель, поворачивал направо и шел к дому неторопливо, размеренным шагом, не обращая внимания на почтительные приветствия прохожих.

Следом за генералом — в двух шагах — шествовал его адъютант, майор с ярко-красной кожаной папкой в руке. Это была достаточно заметная деталь, к тому же Кузнецов лично видел однажды Даргеля (весной, на параде по случаю дня рождения Гитлера) и был уверен, что сумеет опознать его в лицо.

Операция возлагалась на трех человек: Кузнецова, Николая Струтинского и Ивана Калинина.

Струтинский уже не раз бывал в Ровно в форме немецкого солдата, хорошо изучил расположение улиц, к тому же умел превосходно водить машину. Как разведчик он был смел, решителен, находчив.

Автомобиль для дела достал бывший военнопленный Иван Калинин, шофер ровненского гебитс-комиссара доктора Беера. Разумеется, господин гебитс-комиссар и не подозревал, для какой цели был позаимствован 20 сентября 1943 года его светло-коричневый «адлер» с номерным знаком комиссариата.

Ждать выхода Даргеля на улице было слишком рискованно, поэтому наши разведчики поставили машину в переулке на противоположной стороне с таким расчетом, чтобы видеть подъезд рейхс-комиссариата.

Информация Вали оказалась точной: действительно в 2.30 (ни минутой раньше, ни минутой позже) из дверей рейхс-комиссариата вышел подтянутый худощавый генерал с надменным лицом. За ним вышагивал высокий офицер с ярко-красным портфелем под мышкой.

Они успели сделать лишь несколько десятков шагов, как их нагнал светло-коричневый «адлер». На какую-то секунду автомобиль притормозил, из него выскочил пехотный обер-лейтенант. Генерал успел лишь изумленно взметнуть брови... В руке обер-лейтенанта тусклой синевой блеснул вороненый ствол «вальтера». Негромко хлопнули четыре выстрела. Даргель, качнувшись, рухнул на тротуар. Выронив красный портфель, судорожно бил ногами в предсмертных конвульсиях его спутник.

В следующую долю секунды Кузнецов вскочил в машину, уже на ходу захлопнув дверь, и «адлер» рванул, быстро набирая скорость.

Когда к месту происшествия подоспели растерянные жандармы, они нашли на окровавленной мостовой лишь два трупа и вывалившийся при резком движении из кармана обер-лейтенанта кожаный бумажник.

Несколько дней мы не получали никаких сведений из Ровно. Видимо, ни один связной не смог выбраться из оцепленного эсэсовцами и жандармами города.

Кузнецов нервничал, ему не терпелось узнать о результатах покушения.

— Промahnуться я не мог, — говорил Николай Иванович, — стрелял в упор.

Наконец мы получили долгожданные фашистские газеты. Развернули и... ахнули. На первых полосах жирным шрифтом в черной траурной рамке были напечатаны сообщения об убийстве неизвестным террористом, переодетым в форму немецкого офицера, имперского советника финансов на правах министра, генерала, доктора Ганса Геля и его адъютанта майора Адольфа Винтера.

Это казалось наваждением: генерал, его адъютант с красной папкой, правильное время, правильный маршрут и — не те!

Как выяснилось, генерал Гель за несколько дней до покушения прибыл в Ровно из Берлина со специальным заданием усилить вывоз в Германию продовольствия и ценностей с Украины. Этот грабитель в ранге министра и даже с ученой степенью

доктора остановился по приглашению Даргеля в его особняке на Шлосштрассе, 16. У обоих генералов были не только созвучные фамилии, они и внешне были очень похожи. К тому же адъютант Геля носил такой же положенный высокопоставленным лицам гитлеровской администрации яркий красный портфель, что и адъютант Даргеля.

Кузнецов чуть не плакал от досады, хотя никто и не думал его ни в чем упрекать, очень уж невероятным было стечение всех обстоятельств.

— В следующий раз документы буду проверять, прежде чем стану стрелять, — в сердцах сказал Николай Иванович.

Но Кузнецов расстраивался зря: доктор Гель был по фашистской иерархии фигурой не меньшей, если не большей, чем «правительственный президент» генерал Даргель. Недаром Гитлер посмертно наградил Геля «рыцарским железным крестом».

Казнь генерала Геля имела одно важное последствие. Дело в том, что бумажник, подобранный на мостовой Шлосштрассе жандармами и доставленный в гестапо, был обретен Кузнецовым отнюдь не случайно. Чего-чего, а подобных оплошностей наши разведчики не допускали, если... если это не входило почему-либо в их планы. Эта «утеря» была завязкой весьма любопытной комбинации, разработанной в штабе отряда.

Новенький бумажник с маркой известной берлинской фирмы был обнаружен при обыске у взятого нами в плен видного эmissара украинских националистов, только что прибывшего из Германии.

В бумажнике находился паспорт с разрешением въезда на оккупированную территорию, членский билет берлинской организации украинских националистов и директива руководства этой организации своим ответвлениям на Западной Украине. В ней излагалось требование гестапо усилить борьбу с советскими партизанами.

Для полного правдоподобия мы дополнили этот бумажник, вложив в него около ста сорока рейхсмарок, немного американских долларов, английскую купюру достоинством в пять фунтов стерлингов, несколько советских сотенных, три золотые царские десятки и пригоршню золотых коронок, которые бандиты имели обыкновение вырывать изо рта у расстрелянных ими советских людей.

Вот только директива из бумажника была изъята, а вместо нее вложена другая, хотя и написанная «тем же самым» почерком, но совсем иного содержания, отнюдь не приятного для немцев, в чьи руки она попала благодаря «небрежности» Кузнецова.

Автор этой директивы давал указание адресату в связи с явным проигрышем войны Гитлером сменить ориентацию и действовать против гитлеровцев.

Гестапо, не доверявшее никому на свете и крайне подозрительно относившееся к националистическим главарям, готовым продаться в любой момент кому угодно, попало на удочку. В газетах появились намеки, что, хотя покушавшийся и был одет в немецкую офицерскую форму, на самом деле он принадлежал к числу лиц, не оценивших располо-

жение властей и «предавших» фюрера. Органы безопасности-де уже напали на след преступников и задержат их в самом ближайшем будущем.

«След» привел гестаповских ищеек именно туда, куда мы и хотели. За причастность к убийству генерала Геля гитлеровцы схватили тридцать восемь видных националистов, в том числе даже гестаповцев. Как те ни божились в своей полной невиновности, как ни клялись в преданности фюреру и «великонеметчине», их всех расстреляли. Что ж, собакам и смерть собачья!

Так всего четыре немецких же патрона, израсходованных Николаем Ивановичем Кузнецовым, стоили жизни многим злейшим врагам советского народа.

И все же наш замечательный разведчик не чувствовал себя удовлетворенным. Ему хотелось во что бы то ни стало довести дело до конца, и он добился разрешения вторично стрелять в Даргеля.

8 октября 1943 года Николай Иванович вместе с Николаем Струтинским подстерег «правительственного президента», когда тот выходил из собственного особняка, и выстрелил в него несколько раз из пистолета, выскочив из машины на этот раз зеленого цвета. Привести в исполнение смертный приговор на одной из главных улиц оккупированного города на глазах гитлеровцев совсем не то, что спокойно всаживать пулю за пулей в центр мишени на лесном стрельбище.

Даргелю удивительно везло, во всяком случае он и на сей раз остался невредим. Более того, он разглядел нападавшего: обер-лейтенанта герман-

ской армии с «железным крестом» первого класса на груди.

Кузнецов, чудом сумевший уйти от погони, был страшно расстроен и горько корил самого себя за неудачу. Но тут же поклялся, что не отступится, пока не доберется до «заговоренного» генерала.

Третье покушение на заместителя Коха обер-лейтенант Зиберт совершил 20 октября. Оно было точной копией первого. Мы справедливо предполагали, что гитлеровцы никак не подумают, что новое нападение будет совершено на том же месте, и не предпримут здесь дополнительных мер охраны. Так оно и оказалось.

Правда, «адлер» из гебитскомиссариата был предусмотрительно перекрашен в черный цвет и вместо знака рейхскомиссариата на нем был установлен отличительный знак и номер вермахта. Сменили и оружие: вместо пистолета Кузнецов применил тяжелую противотанковую гранату, усиленную стальным чехлом.

И — снова невероятная случайность! Граната в двух шагах от ног Даргеля ударилась в бровку тротуара и отскочила так, что взрыв пошел в сторону, в стену дома! Ручкой гранаты был наповал убит какой-то подполковник, стоявший на противоположной стороне улицы. А Даргель, счастливчик Даргель снова остался жив! Правда, на сей раз он был тяжело ранен и контужен.

— Это все тот же обер-лейтенант, — сумел прохрипеть генерал в госпитале.

В тяжелом состоянии «правительственный пре-

зидент» был специальным самолетом отправлен в Берлин.

После трех покушений на «счастливчика» Даргеля для Кузнецова в Ровно настало очень трудное время. Теперь ему нужно было считаться с тем, что гестапо разыскивает некоего обер-лейтенанта германской армии, убивающего собственных генералов. И с этим ему вскоре пришлось столкнуться.

Никто из сотрудников рейхскомиссариата Украины не знал, что входит в круг служебных обязанностей майора Мартина Геттеля.

В его кабинет в здание РКУ не заходил никто из сослуживцев. Геттель не впускал в него даже уборщицу, предпочитая сам возиться с веником и совком. Впрочем, большую часть рабочего дня кабинет был заперт на ключ, а его хозяин бродил со скучающим видом по служебным помещениям, болтая с коллегами. И даже офицеры в более высоких чинах поеживались от немигающего взгляда глубоко посаженных глаз долговязого рыжего майора.

Однажды Геттель навязался проводить домой Валю Довгер. Поначалу Валя решила, что ее ждет назойливое ухаживание малоприятного кавалера. И ошиблась.

Как ни прикрывался Геттель пошловатыми комплиментами, он не сумел скрыть, что интересуется вовсе не девушкой, а тем, давно ли и где она познакомилась со своим женихом, этим бравым обер-лейтенантом Паулем Зибертом.

Внутренне насторожившись, Валя с беспечным видом рассказала давно и основательно разработанную историю своих отношений с «женихом».

Прощаясь возле дома, Геттель выразил надежду, что фрейлейн Валя непременно поможет ему познакомиться поближе с обер-лейтенантом Зибертом.

Валя пообещала ему сделать это при первом удобном случае и в тот же вечер сообщила Кузнецову, что его особой интересуется гитлеровский контрразведчик.

Тщательно взвесив все «за» и «против», мы решили, что до поры до времени Николаю Ивановичу ничего не грозит, иначе он был бы уже давно в кабинете начальника гестапо доктора Питца на Почтовой, 26.

По-видимому, Мартин Геттель пока что вел какую-то непонятную игру собственными силами. Решено было ее поддержать, пока не станет ясно, чего он добивается.

К этому времени обер-лейтенант Зиберт близко сдружился с сотрудником СД майором фон Ортелем. Майор был высоким, крепко сбитым еще молодым человеком примерно лет тридцати на вид. Его редкие темные волосы разделял безукоризненный косой пробор, небольшие светлые глаза смотрели умно и настороженно. Майор фон Ортель был самым таинственным человеком в Ровно. Чем он занимался в своем служебном помещении на Дойчештрассе, 272, замаскированном вывеской частной зубоврачебной лечебницы, мало кто знал.

По необъяснимой прихоти судьбы фон Ортель питал к Зиберту искреннюю симпатию, если только этот человек вообще мог питать ее к кому-либо. Майор был крупным немецким разведчиком, опытным, смелым, циничным, — Кузнецов знал это со-

вершенно точно. Фон Ортель свободно владел русским языком и как-то признался, что перед войной несколько раз побывал в Москве. Фон Ортель считал себя существом высшего порядка и перед Кузнецовым, к которому проникся известным доверием, не скрывал своего презрения к весьма крупным нацистам, не исключая Геббельса и Коха. Он не верил в «идеи» национал-социализма, но был сторонником фашизма, поскольку волчья гитлеровская стая была его родной стихией. Он знал ее хорошо и надеялся урвать для себя достаточно жирный кусок из фашистского пирога.

Возможно, что фон Ортель потому и благоволил к фронтовику обер-лейтенанту, что считал его наивным служакой, храбрым в бою, но нерасторопным при дележе захваченной добычи. Лишь позднее Кузнецов узнал, что фон Ортель надеялся привлечь его к разведывательной работе под своим началом.

Но пока что Николая Ивановича беспокоил Геттель, и он решил на всякий случай заручиться поддержкой своего «друга».

— Мне не нравится один майор из рейхскомиссариата, — сказал он как-то фон Ортелю, — некто Мартин Геттель. Уж слишком он ухаживает за Валей. Я, конечно, не ревную ее к этому типу, но Вале его ухаживания неприятны, а отшить неудобно: как-никак начальство...

— Скажи своей невесте, чтобы она держалась от Геттеля подальше, — посоветовал фон Ортель. — Я встречал этого парня в «Доме Гиммлера» на Принц-Альбрехтштрассе. Он, правда, птица

невысокого полета, но нагадить ей может... Если уж очень привяжется, скажи: помогу.

Сказанного было вполне достаточно. Кузнецов прекрасно знал, что на Принц-Альбрехтштрассе, 8 в Берлине помещалось главное управление гестапо. Значит, Геттель действительно гестаповец.

А еще через несколько дней Геттель вызвал к себе Лиду Лисовскую и Майю Микота и стал выпытывать у них (как у секретных сотрудников гестапо), что им известно об обер-лейтенанте Зиберте. Он засыпал девушек ворохом вопросов. Некоторые из них привлекли особое внимание Кузнецова, когда вечером Леля и Майя подробно рассказали ему о беседе с Геттелем.

— Не говорил ли Зиберт вам что-либо об Англии? — выпытывал майор. — Не употребляет ли он в разговоре английских слов?

Отпуская девушек, Геттель велел Лиде при встрече с Зибертом обратиться к нему, как бы ненароком, со словом «сэр» и проследить, как он при этом себя поведет. Затем гестаповец приказал Лиде в ближайшие дни под благовидным предлогом устроить у него дома его встречу с Зибертом. Так Геттель раскрыл перед нами свои карты. Теперь стало ясно, что гитлеровец подозревает обер-лейтенанта Пауля Зиберта в том, что он является английским шпионом, агентом знаменитой Интеллидженс сервис.

Мы поняли также, почему Геттель, подозревая Зиберта, не пытался его задержать, а стремился к личному знакомству. По-видимому, майор, по роду своей службы человек хорошо информирован-

ный, понимал, что гитлеровская Германия проиграла войну, что близкий крах неизбежен, а вместе с ним неизбежна и расплата за преступления, совершенные фашистами, в том числе и им лично, на советской земле. И этот хитрец решил заранее войти в контакт с английской разведкой, чтобы, переметнувшись на ее сторону, уйти от возмездия. Он рассчитывал, что «английский шпион» Зиберт оценит его молчание по достоинству и замолвит за него, майора Геттеля, словечко перед своим начальством. А там — не все ли равно, кому служить? Германии или Англии, лишь бы спасти свою шкуру...

Мы разрешили Кузнецову встретиться с майором Геттелем, чтобы попытаться использовать сложившуюся ситуацию в своих целях.

Встреча обер-лейтенанта Пауля Зиберта с майором Мартином Геттелем состоялась 29 октября на квартире Лидии Лисовской. Геттель держался чрезвычайно дружелюбно, всячески старался показать свое расположение к новому знакомому, расточал комплименты в адрес невесты обер-лейтенанта.

— Фрейлейн Валентина — всеобщая любимица в рейхскомиссариате, — с умилением говорил он. — Предлагаю тост за ваше счастье, Зиберт!

Когда выпили еще несколько рюмок, Кузнецов встал, потянулся всем телом и как бы между прочим предложил:

— А не встряхнуться ли нам сегодня как следует по поводу знакомства, майор? — И, смеясь, добавил: — Если вы гарантируете, что моя невеста

никогда не узнает об этом, то мы можем превосходно провести время в обществе двух весьма милых дам...

Геттель понял все сразу. Зиберт, конечно, не станет приглашать случайного знакомого на холостяцкий кутеж с дамами, видимо, речь идет о серьезном разговоре на интересующую обоих тему. Он, разумеется, согласился.

Оба офицера попрощались с Лисовской и вышли из дому. При виде хозяина шофер-солдат услужливо распахнул дверцу.

— Николяус! — Кузнецов неопределенно помахал ладонью. — Едем, маршрут обычный!

Струтинский включил мотор, и машина тронулась с места.

Первоначально Кузнецов хотел переговорить с Геттелем на квартире нашего подпольщика Леонида Стукало, жившего на улице Кирова, 47. Но от этого варианта пришлось отказаться: поблизости от дома Стукало произошел какой-то инцидент, собралась толпа, прибыла полиция. И Кузнецов приказал Струтинскому ехать по другому адресу: улица Легионов, 53.

Роберт Глаас был ничем не примечательным сотрудником «Пакетаукциона» — учреждения оккупантов, специально занимавшегося отправкой в Германию посылок с продовольствием и вещами, награбленными у населения. Глаас считался ревностным служакой, исполнительным, услужливым. У начальства был на хорошем счету. Начальника «Пакетаукциона» генерала Германа Кнута — второго заместителя рейхскомиссара Эриха Коха, — долж-

но быть, хватил бы апоплексический удар, если бы он узнал, что этот его скромный подчиненный на самом деле голландский коммунист-подпольщик, связанный с нами.

На его квартиру и решил ехать Николай Кузнецов, после того как отпал дом Леонида Стукало.

Глаас встретил неожиданных гостей приветливо. Быстро накрыл на стол. Кузнецов снял портупею с кобурой, велел Струтинскому повесить на гвоздь за шкафом, предложил и Геттелю разоблачиться. Нехотя Геттель тоже освободился от оружия.

В ожидании дам начался многозначительный разговор со взаимными намеками, тонкими иносказаниями. Словом, «дипломатическая беседа на высшем уровне».

Неизвестно, чем бы могла кончиться наша игра с майором Мартином Геттелем, если бы Струтинский не совершил ошибки. Он без разрешения подсел к общему столу.

Майор Геттель осекся на полуслове. Немецкий солдат, к тому же поляк по происхождению, никогда бы не решился сесть к офицерскому столу, даже если бы его позвали. Но подобной фамильярности не потерпит и английский офицер. А только им в представлении Геттеля и был обер-лейтенант Пауль Зиберт!

Значит... Значит, Зиберт не агент Интеллидженс сервис! Но в таком случае кто же он? Неужели советский разведчик?! В глазах Геттеля мелькнул ужас. Он рванулся к своей портупее... Через полминуты он был скручен. Кузнецову теперь уже не оставалось ничего другого, как, отбросив маскиров-

ку, допросить майора. Пытаясь вымолить жизнь, Геттель рассказал все, что знал о военной контрразведке — «Абвере-2» — и гестапо. А рассказать он мог о многом.

— Почему вы решили, что я англичанин? — спросил в заключение Кузнецов.

— Никак не думал и не мог предполагать, что у русских могут быть такие разведчики, — мрачно буркнул Геттель.

На следующий день майор Мартин Геттель не явился на службу. Не вышел он на работу и послезавтра. Курьер, посланный к нему, не нашел его и дома.

Приговор приведен в исполнение

Среди наиболее высокопоставленных гитлеровцев в Ровно генерал фон Ильген играл очень заметную роль. Он командовал так называемым «остентруппен» — «восточными войсками». Эти части состояли из самых отпетых подонков, которых только могли набрать гитлеровцы на оккупированной территории, главным образом предателей Советской Родины, изменивших воинской присяге, откровенных уголовников, а также из белогвардейцев и других антисоветских элементов, выжидавших двадцать лет своего часа и прибывших на Украину из-за рубежа вместе с гитлеровскими войсками. Среди

этих последних был крупный петлюровец, облачившийся теперь в форму немецкого генерала, Омелянович-Павленко. Его преступлений, совершенных им в годы гражданской войны, еще не забыла Украина. Население ненавидело и презирало этих выродков даже больше, чем немцев.

Войска Ильгена осуществляли «карательные акции» — сжигали деревни, расстреливали мирных жителей. Их в первую очередь командование германской армии бросало против партизан. Казнь Ильгена неминуемо внесла бы панику и растерянность в не очень-то сплоченные ряды этого воинства, показала бы им в полной мере неизбежность близкой расплаты за измену.

Мы рассчитывали также, что кое-кто из этих людей, надевших гитлеровскую форму из малодушия, но не погрязших еще в преступлениях против соотечественников, найдет в себе силы и мужество порвать с фашизмом, искупить вину перед Родиной.

Поэтому Ильген был нами приговорен к смерти. План операции был тщательно разработан и утвержден в штабе отряда. Выполнить ее поручалось небольшой группе наших разведчиков — всего из шести человек — во главе с Николаем Ивановичем Кузнецовым.

Задачу уничтожения фон Ильгена нам облегчало одно немаловажное обстоятельство: в самом его логове — в одноэтажном особняке на Млынарской улице, 3 — был наш человек.

...С некоторых пор сонм поклонников Лидии Лисовской пополнился еще одним. Да не каким-нибудь лейтенантом, а генералом! Высоким, здоровен-

ным человеком, с бычьей шеей борца, еще сравнительно молодым — лет сорока пяти, не более. Генерал фон Ильген не был легкомысленным человеком. Но внешность Лидии, привлекательная и строгая одновременно, «высокое» происхождение (она выдавала себя за польскую графиню), превосходные манеры невольно вызвали интерес, льстили самолюбию гитлеровского генерала. В результате последовало весьма лестное предложение: сменить должность официантки в «Дойчегофф» на чрезвычайно респектабельное положение экономки командующего особыми войсками.

Предложение Ильгена, сделанное в октябре, как нельзя больше отвечало нашим планам. Неожиданно оказалось, что прихоть генерала пришлось по душе и господам из ровенского гестапо, не доверявшим никому, даже командующему войсками. Гестапо не преминуло приставить к Ильгену «своего человека». Так, на всякий случай. Более того, гестапо сделало все от него зависящее, чтобы именно Лидия Лисовская, и только она, получила доступ в особняк на Млынарской улице.

Поистине удивительная «общность» интересов: едва ли когда-либо за все время войны и гитлеровский генерал, и гестапо, и советская разведка желали одного и того же!

Стены генеральской гостиной стали отныне нашими ушами. Почти ежедневно мы получали крайне интересные новости. Одна из них самым непосредственным образом отразилась на судьбе самого Ильгена.

Среди особо важных немецких учреждений в

Ровно был штаб полицейфюрера Украины, генерала полиции и обергруппенфюрера СС Прицмана. Сам Прицман постоянно жил в Берлине, а в Ровно регулярно приезжал, обычно в сопровождении громадной свиты на восьми автомобилях. Офицеры в его штабе имели чины не ниже капитана.

Наши разведчики установили, что ровенская квартира Прицмана находится на Кенигсбергштрассе, 21, и вели за ней постоянное наблюдение. От них-то и стало известно, что в конце октября на этой квартире происходило какое-то важное совещание, в котором, кроме Прицмана, принимали участие начальник тыла германской армии генерал авиации Китцингер, Ильген и генерал Пиппер, известный своими карательными операциями в европейских странах, оккупированных гитлеровцами, и прозванный за свою жестокость «майстер тодт» — «мастер смерти». Насколько важным было это совещание, нам стало ясно из того факта, что его проводил специально прибывший из Берлина обергруппенфюрер СС Эрих фон дем Бах-Желевский, будущий палач восставшей Варшавы.

Через два дня совещание по этому же поводу, но уже, так сказать, на низшем уровне, проводил со своими старшими офицерами Ильген в собственном особняке.

Лидии Лисовской Ильген поручил приготовить в соседней комнате кофе, и это позволило нашей разведчице почти дословно передать в штаб отряда сообщение гитлеровского генерала.

— Господа, — начал Ильген, — как вам уже известно, по приказанию фюрера наши доблестные

войска производят в настоящее время выравнивание линии фронта (так стыдливо было принято у гитлеровцев именовать отступление под непрерывными ударами Советской Армии, уже подошедшей к Киеву). Особо важное значение в этих условиях приобретает прочность и спокойствие нашего тыла. Между тем с прискорбием следует признать, что наш тыл наводнен бандами партизан, что усугубляет наши трудности. Необходимо немедленно ликвидировать партизан. Таков приказ фюрера. Представляющий ставку обергруппенфюрер СС фон дем Бах-Желевский указал, что в первую очередь необходимо уничтожить отряд Медведева, действующий в непосредственной близости от Ровно.

Сообщаю вам поэтому, что «охота на медведя» откроется на рассвете восьмого ноября. Накануне у русских национальный праздник. Они, конечно, будут его отмечать и вряд ли на следующий день будут способны оказать нашим войскам сколько-нибудь серьезное сопротивление. Непосредственное руководство этой операцией возложено на генерал-майора Пиппера. Уверен, господа, что скоро я буду иметь возможность побеседовать с командиром партизан.

Офицеры слушали внимательно. С еще большим вниманием изучали на следующий день это сообщение мы в штабе отряда.

О готовящейся операции одновременно с Лидой узнал и обер-лейтенант Зиберт.

— Тебе хорошо, Пауль, — жаловался ему в казино подвыпивший приятель, офицер полевой жан-

дармерии Ришард, — будешь прохлаждаться в Ровно. А мне предстоит принимать участие в «охоте на медведя». Не скажу, чтобы это меня очень радовало...

Заказав еще одну бутылку коньяку, Кузнецов вытянул из жандарма кое-какие весьма полезные подробности.

Третье сообщение поступило от нашей разведчицы Вали Довгер, мнимой невесты Пауля Зиберта. Валя была сотрудницей в рейхскомиссариате Украины, куда ее приняли по рекомендации самого Эриха Коха. Начальник Вали, доктор Круг, относился к ней весьма снисходительно (еще бы: рекомендована на работу самим Кохом) и позволял себе вести в ее присутствии достаточно конфиденциальные разговоры.

Считалось, что отец Вали Довгер, преданный Германии фольксдойче, убит партизанами. И доктор Круг счел своим долгом сказать Вале при случае, что скоро ее отец будет отомщен.

— Каким образом? — спросила девушка.

И доктор Круг выложил ей все, что знал о предстоящей операции.

Таким образом, мы узнали о ней сразу из трех источников: от Лисовской, Кузнецова и Довгер.

Мы не теряли времени даром и подготовили гитлеровцам жаркую встречу. Правда, мы, признаться, не ожидали, что наступление на нас будет вестись такими крупными силами. Группировка «мастера смерти» Пиппера включала 1-й и 2-й берлинские полицейские полки, роту СС, части из форми-

ровавшейся в это время 14-й гренадерской дивизии СС «Галиция» и другие подразделения.

Против партизан были брошены авиация, артиллерия и тяжелые минометы. Это был самый тяжелый бой из девяноста двух, которые пришлось выдержать нашему отряду за всю его историю. Патриотизм, беззаветное мужество, массовый героизм советских людей победили. Гитлеровцы были разбиты наголову и позорно бежали, потеряв свыше 600 человек убитыми и ранеными. Убит был и сам «мастер тодт» — генерал Пиппер. Трофеи мы захватили огромные: артиллерийскую батарею, минометы, пулеметы, автоматы, винтовки, большое количество боеприпасов и различного снаряжения.

Генерал Ильген оказался прав: бойцы и командиры нашего отряда действительно хорошо встретили 26-ю годовщину Великого Октября, правда, не так, как предполагал генерал.

Сразу же после боя штаб отряда принял решение: в довершение к этому сюрпризу нанести по гитлеровской администрации в Ровно три удара подряд. И первый — по Ильгену, как одному из главных организаторов направленной против нас операции. Но в первоначальный план внесли существенную поправку, а именно: учитывая пожелание Ильгена поговорить с командиром партизан, мы решили доставить ему это удовольствие.

Группа Кузнецова получила новый приказ: не ликвидировать Ильгена, а похитить.

Окончательный план был приведен в действие после того, как Лидия Лисовская представила нам подробное описание образа жизни генерала, рас-

порядок его дня, привычки и т. д. Из привычек наше внимание особо привлекла следующая: Ильген обедал только дома — вскоре после полудня — и, как правило, один. Опаздывал к обеду только в исключительных случаях.

В это время в доме, кроме генерала, находились Лидия, кто-либо из двух адъютантов и денщик. Наружную охрану у выездных ворот нес один часовой до шести часов вечера и усиленный пост из трех солдат после шести. Следовательно, всю операцию нужно было провести не позднее шести, а лучше всего — примерно в час дня.

На руку нам сыграло еще одно обстоятельство: оба адъютанта немца 10 ноября отбыли на неделю в «служебную командировку» в Германию, чтобы отвезти семье генерала несколько чемоданов с награбленными вещами. Лучше и не придумаешь! В особняке, таким образом, оставался лишь денщик — из русских «казаков».

Подготовительная часть операции возлагалась на Лиду и Майю, исполнительная — на Николая Кузнецова, Николая Струтинского, Яна Каминского и Мечислава Стефаньского.

Ян Каминский и Мечислав Стефаньский были местными подпольщиками, бесстрашными польскими патриотами. В первые месяцы сотрудничества с нами они полагали, что имеют дело с агентами английской разведки и представителями польского эмигрантского правительства. Со временем, убедившись в их непримиримой ненависти к фашизму, в их мужестве и симпатиях к Советскому Союзу,

Кузнецов, с разрешения командования, открыл им правду.

15 ноября 1943 года вся боевая группа собралась еще с утра на квартире Яна Каминского. Шли последние приготовления к операции. Кузнецов придирчиво проверял каждую мелочь. Прежде всего — форма. Внимательно осмотрел самого себя в зеркало. В памяти еще живо было воспоминание о том, как при первом выходе в Ровно он привлекал внимание (хотя и не подозрение) всех встречных военных тем, что был в пилотке. Оказывается, пилотку принято было носить лишь на фронте, в тылу же — фуражку, знаменитую немецкую фуражку с высоко заломленным верхом.

Сейчас все в порядке. Мундир не с иголки, но и не потрепан, хорошо подогнан. На плечах погоны обер-лейтенанта. На груди слева, ниже кармана, — «железный крест» первого класса. В петлю пуговицы продернута ленточка «железного креста» второго класса (при получении высшей награды низшая уже не носилась — только ленточка). Медаль «За зимний поход на Восток». Немецкие солдаты метко называли ее «мороженое мясо». Справа — знак за тяжелое ранение. Разумеется, все — и награды, и звание, и ранения — аккуратно вписано в офицерскую книжку.

Так же тщательно осмотрел он и товарищей. Николай Струтинский уже давно привык к немецкой солдатской форме. Ян Каминский и Мечислав Стефаньский, по-видимому, отлично чувствовали себя в форме офицеров рейхскомиссариата Украины, хотя и облачились в нее лишь полчаса назад.

— Как машина? — спросил Кузнецов Струтинского.

— Отлично выглядит, Николай Иванович.

Вопрос был не праздный. Автомобиль — великолепный, мощный «адлер», который наши разведчики в свое время «одолжили» без обещания вернуть у самого ровненского гебитскомиссара Беера. Разумеется, ее пришлось перекрасить и сменить номер. Сделал это с большим знанием дела наш партизан Василий Бурим.

В 12 часов дня Кузнецов встал. «Пора».

...Разбрасывая колесами ноябрьскую грязь, серый «адлер» вылетел на центральную улицу города. Несколько минут езды, поворот направо, и машина уже на Млынарской улице. Мелькают уютные одноэтажные домики. Прохожих почти не видно — местные жители стараются обойти район, где живет гитлеровское начальство, стороной. Вот и особняк Ильгена, окруженный палисадником. Перед окнами уныло отмеривает шаги часовой с винтовкой за плечом. При виде машины с офицерами он вытягивается в струнку.

Не повернув головы, Кузнецов краем глаза напряженно всматривается в окна. В угловом окне занавеска приспущена до половины. Так уже было и вчера и позавчера. Это условный знак. Лидия сообщает, что операция откладывается.

Сквозь зубы Кузнецов бросает Струтинскому: «Прямо...» Машина летит дальше.

Остановка возле маленького ресторанчика. Здесь, по договоренности, свидание с Лидией

в случае неудачи. Кузнецов выходит из машины, остальные остаются.

Через полчаса появляется Лисовская. Впархивает оживленная, веселая.

В их сторону никто даже не смотрит, обычное дело: офицер встречается со знакомой девушкой.

Придвинувшись ближе, Лидия быстро шепчет: — Генерал звонил — задерживается в штабе. Приедет обедать в четыре. У нас с Майей все готово. Ждем.

Кузнецов облегченно вздохнул. Откладывается, но все же не отменяется, как вчера и позавчера, когда Ильген вообще не приезжал домой.

— Ну, мне пора, — допив свой кофе, Лидия встает, на ходу целует обер-лейтенанта и бежит

к выходу, бойко постукивая каблучками модных туфель.

Расплатившись, покидает кафе и Кузнецов.

В машине происходит короткое совещание.

— В городе оставаться незачем, — говорит Николай Иванович, — считать минуты — лучшее средство взвинтить себя до предела, а нервы нам еще потребуются. И крепкие. Едем-ка, друзья, за город!

Мало кто знает, что перед тем, как совершить этот знаменитый в истории Отечественной войны подвиг, герои-разведчики мирно гуляли по осеннему лесу, словно набираясь в общении с родной природой сил и мужества.

...В 16.00 серый «адлер» как вкопанный стал

у дома № 3 по Млынарской улице: занавеска на угловом окне была поднята до самого верха!

На этот раз удача явно была на их стороне: двумя минутами ранее из соседнего особняка вышли генералы Кернер и Омелянович-Павленко, ближайшие помощники Ильгена. Встреча с ними могла бы сорвать операцию.

Кузнецов вышел из машины, спросил у вытянувшегося часового:

— Генерал дома?

«Казак» — его фамилия была Луковский — виновато пробормотал:

— Я не понимаю по-немецки, господин обер-лейтенант...

Брезгливо отмахнувшись, обер-лейтенант вошел в особняк. Следом за ним — остальные.

В гостиной навстречу Кузнецову поспешил денщик.

— Господин обер-лейтенант, генерала нет дома, прикажете подождать или передать что... — и замер, увидев внимательный, устремленный ему в живот зрачок парабеллума.

— Не шуметь! — повелительно сказал Кузнецов по-русски. — Я советский офицер, партизан, понятно?

Мясников (такую фамилию носил денщик) все понял и, охнув, опустился без сил на стул. Его мгновенно обыскали.

Из дальних комнат уже спешили Лида и Майя Микота.

— У нас все готово, личные вещи генерала упакованы в два чемодана.

Убедившись, что денщик не способен ни к какому сопротивлению, Кузнецов вышел на крыльцо.

— Эй, ты, — крикнул он часовому на ломаном русском языке, — иди сюда!

— Не имею права с поста, — нерешительно пробормотал тот.

— Быстро, быстро! — уже с угрозой в голосе приказал обер-лейтенант.

Забыв про устав, Луковский поспешил подчиниться. В прихожей, раньше чем он успел что-либо понять, его обезоружили, втолкнули в комнату и усадили рядом с Мясниковым.

Начался обыск квартиры. Карты, фотографии, служебные бумаги, личная переписка тонули в недрах объемистого портфеля. Струтинский быстро облачился в каску и амуницию разоруженного Луковского и занял его место перед крыльцом.

Тем временем Лида и Майя вели идеологическую обработку «казаков».

— Эх, вы, были грицами, а стали фрицами, — безжалостно и гневно бросала им в лицо Майя, — в немецкие холуи записались. А что дальше будет? Вы знаете, что Киев освобожден?

Мясников невнятно оправдывался:

— Мы мобилизованные насильно. По своей охоте разве пошли бы? Возьмите нас в лес, к партизанам, не пожалеете, если поверите.

Луковский был, видно, решительнее. Трудно сказать, что пережил за десять-пятнадцать минут этот человек, совершивший в жизни страшную ошибку, исправить которую дано не каждому. Он

неожиданно встал и обратился к Николаю Ивановичу:

— Генерал меня знает в лицо, нехорошо выйдет, да и разводящий подойти может. Дозвольте снова на пост встать...

И Кузнецов согласился. Согласился, хотя шел на немалый риск. Потому что чутьем разведчика, сердцем советского человека понял: довериться можно.

Струтинский вернулся в дом, на его место снова встал Луковский. Правда, патроны из магазина его винтовки были на всякий случай вынуты.

В начале шестого где-то вдалеке послышался звук мотора. Лида чуть отодвинула занавеску и увидела, как из-за угла вырвался длинный черный «мерседес». Едет!

Все быстро разошлись по заранее условленным местам.

Через несколько минут, не удостоив вставшего во фронт часового даже кивком, в дом вошел Ильген. Лидия, выбежавшая в переднюю, помогла ему снять шинель.

Генерал был в хорошем настроении. Отпустил Лисовской грубоватую казарменную шутку, вымыл руки, весело осведомился: «Что сегодня на обед, фрейлейн Леля?» — и в недоумении уставился на вставшего в двери солдата (Струтинского).

— Как сюда попал? Вон...

— Спокойно, генерал!

Ильген стремительно обернулся на незнакомый голос. Он увидел неизвестного ему подтянутого обер-лейтенанта с пистолетом в руке. В первую се-

кунду Ильген ничего не понял. Но с объяснением обер-лейтенант не замедлил.

— Предатель! — взревел Ильген (он до конца не верил, что Кузнецов не германский офицер) и стремительно ринулся на разведчика.

Завязалась отчаянная борьба. Ильген был очень силен, в молодые годы, видимо, всерьез занимался борьбой и боксом. Ярость к тому же удвоила его силы.

В бешеной свалке переплелись пять тел. В ход пошли и кулаки и каблуки. Струтинскому, пытавшемуся загнать в генеральский рот кляп, Ильген до кости прокусил руку. Не утерпев, в драку ввязался и Мясников — на стороне партизан. С большим трудом генерал был скручен.

Отдышавшись, Кузнецов прочитал ему лекцию о хорошем поведении.

— Спокойнее, генерал, — мягко выговаривал он. — Будьте же благоразумны. На первый раз, учитывая неожиданность, мы вас прощаем. Но впредь советую не ерепениться.

В конце концов Ильген вроде притих.

Первыми из особняка вышли Каминский и Стефаньский с портфелем. Затем Струтинский и Мясников вынесли генеральские чемоданы. Чтобы ввести немцев в заблуждение, денщик оставил по приказанию Кузнецова на столе записку:

«Спасибо за кашу. Ухожу к партизанам и забираю с собой генерала. Смерть немецким оккупантам! Казак Мясников».

Затем на крыльце показался Кузнецов, заботливо придерживая Ильгена за локоть. Руки

генерала были связаны. Мясников и Стефаньский уже сидели в машине. Струтинский стоял, поджидая, возле открытой дверцы.

— Скорее! — услышал Николай Иванович взволнованный голос Луковского. — Смена идет!

Действительно, в конце улицы уже маячили фигуры трех солдат.

И тут Ильген вдруг вырвался из рук Кузнецова, вышиб языком изо рта кляп и заорал во всю силу легких:

— На помощь! На помощь!

Кузнецов, Струтинский, Каминский успели поймать Ильгена за плечи, заткнули рот, завернули на голову полу шинели, чтобы никто из случайных прохожих не узнал генерала в лицо. Извернувшись, Ильген умудрился ударить Каминского сапогом в живот. И тут же на ноги ему навалился, отбросив винтовку, «казак» Луковский.

В мгновение ока генерала втащили в машину. Мотор взревел и...

— Что здесь происходит?

Кузнецов резко обернулся. К машине на крик спешили трое немецких офицеров. Руки у всех — на кобурах пистолетов.

Это был решающий момент операции. На карте стояло все: и успех дела и жизнь разведчиков.

Спокойно, с самым независимым видом Пауль Зиберт подошел к гитлеровцам. Козырнул:

— Я офицер службы безопасности. Мы выследили и арестовали советского террориста, одетого в нашу военную форму. Прошу удостовериться в моих полномочиях.

В руке отважного разведчика уже тускло блестя овальная металлическая пластинка — жетон сотрудника гестапо.

Этого было достаточно. Не было во всей германской армии ни одного офицера любого ранга, который решился бы задавать лишние вопросы обладателю подобного знака.

Роль нужно доиграть до конца. В распоряжении Кузнецова было еще две-три минуты.

— Прошу предъявить ваши документы.

Офицеры послушно протянули свои удостоверения. Обер-лейтенант Зиберт внимательно просмотрел их и вернул владельцам, кроме одного, привлечшего его особое внимание.

— А вас, господин Гранау, — обратился он к коренастому военному в коричневом кожаном пальто, — прошу следовать за мной в гестапо в качестве свидетеля. Вы можете быть свободны, господа.

Пожав плечами, человек в кожаном пальто спокойно уселся в машину. Он, Пауль Гранау, личный шофер Эриха Коха, чувствовал себя совершенно спокойно.

Это была удача, хотя и совершенно случайная, но заработанная выдержкой и находчивостью: кроме Ильгена, прихватить еще и коховского шофера!

Офицеры поспешили удалиться подальше от греха. Кузнецов вернулся к «адлеру» и сел рядом с Николаем Струтинским. Машина была уже набита до предела: семь человек! А еще предстояло как-то усадить Каминского.

Выход нашел Струтинский:

— В багажник, живо!

Едва Каминский кое-как втиснулся в тесную железную коробку, «адлер» рванул в темноту. На огромной скорости, петляя по пустым улицам, автомобиль промчал за городскую черту и через час достиг, наконец, надежного убежища на хуторе Валентина Тайхмана, вблизи села Новый Двор.

...Тайхман был бедным польским крестьянином. Ему трудно было прокормить семью из десяти человек. Старшему сыну было лет семнадцать. До 1939 года семья жила в страшной нищете и встала на ноги лишь при советской власти. Естественно, что и Тайхман и его дети ненавидели оккупантов.

Хутор был очень удобной явочной квартирой. В частности, именно здесь перекрашивались и ремонтировались автомобили, которыми пользовался Николай Кузнецов.

Со стороны дороги дом летом был почти неразличим — тонул за листвой молодых вишен и яблонь.

В это укромное место и были доставлены Ильген и Гранау. Кузнецов рассудил правильно, что в этот день не стоит и пытаться доставить генерала в отряд. Начнутся поиски по всей округе. Действительно, разводящий, не застав на месте Луковского и обнаружив у палисадника утерянную Ильгеном в борьбе фуражку, забил тревогу. Немедленно были подняты на ноги и гестапо, и СД, и жандармерия.

Все дороги были перекрыты. Начались поиски, которые продолжались много недель. В частности,

советская войсковая разведка перехватила по радио такое сообщение:

«Надо учесть, что похищенный 15.11.1943 г. партизанами в Ровно шеф восточных частей генерал-майор Ильген увезен ими дальше на какой-то поезде либо на автомашине.

Во всем армейском округе тотчас должен быть установлен контроль за автомашинами. Местным комендантам следует указать, что они должны проводить этот контроль в своих районах при помощи местной стражи. Оперотделение 1А».

Между тем на хуторе Кузнецов всю следующую ночь допрашивал генерала Ильгена и шофера Коха. Ему удалось получить от них важные сведения. Так как вывезти их в отряд оказалось невозможно, здесь же, на хуторе, оба фашиста нашли свою могилу.

Пока Кузнецов допрашивал Ильгена, в Ровно состоялся следующий акт «спектакля», подготовленного нашими разведчиками для оккупантов. Местом действия был избран ровенский вокзал. Главную роль штаб поручил разведчику Михаилу Шевчуку и подпольщикам Борисову, Серову и Буднику, для чего и снабдил их мощной миной с часовым механизмом, спрятанной в обычном чемодане.

Ровно было охвачено паникой. После освобождения Советской Армией Киева распространились слухи, что советские танки заняли Новоград-Волынский. Многочисленные немецкие офицеры и чиновники уже не помышляли ни о чем, кроме бегства. Спасая свою шкуру, тысячи гитлеровцев устре-

мились к поездам. За билеты платили бешеные деньги, места в грузовиках брались чуть ли не с бою. Город наводнили толпы дезертиров.

Чтобы как-то удержать эту лавину и навести порядок, вокзал окружили плотной цепью хорошо вооруженных жандармов. Прорваться сквозь эту стену Шевчуку не удалось.

— Что ж, — поразмыслив, сказал он товарищам, — придется искать попутчика.

«Попутчик» нашелся в нескольких кварталах от вокзала в лице немолодого гитлеровского подполковника, еле волочашего два увесистых чемодана.

Нагнав фашиста, Шевчук остановил свою пролетку (специально выделенную ему для этой операции) и участливо предложил:

— Если господину нужно на вокзал, могу подвезти.

Не давая гитлеровцу опомниться, разведчики схватили его вещи и погрузили в пролетку. Для него самого освободили лучшее место.

Обрадованный немец не знал, как и благодарить своего спасителя. Дальше все было разыграно как по нотам. Шевчук лихо подкатил к главному входу вокзала, Серов и Будник подхватили все три чемодана — и подполковника и свой — и вместе с ним преспокойно направились к двери. Жандармы пытались было их остановить, но подполковник поспешил сказать:

— Эти люди со мной!

Так разведчики проникли в зал ожидания первого класса, куда допускались только старшие офицеры. С большим трудом они услужливо разыска-

ли для «своего» немца свободное место на лавке, заботливо поставили рядом чемоданы, но не два, а три... После чего покинули зал, напутствуемые словами самой горячей признательности со стороны пока еще живого подполковника...

Мина сработала в 2 часа 30 минут ночи. Последствия ужасающего взрыва превзошли все наши ожидания. Потолок зала первого класса обрушился целиком, похоронив под обломками десятки офицеров. Поднялась неопишуемая паника. Крики, стоны раненых, пистолетные выстрелы слились в невыразимую какофонию.

Услышав взрыв и стрельбу, солдаты из воинского эшелона, подходившего к Ровно, решили, что вокзал захвачен советскими парашютистами, высыпали из вагонов и открыли ружейный и пулеметный огонь по пылающему зданию. Эта же мысль пришла в голову и охране вокзала, но она приняла за десантников солдат, наступавших цепью со стороны путей. Завязалась ожесточенная перестрелка, стоившая жизни еще нескольким десяткам гитлеровцев.

Бой затих лишь на рассвете, когда обе стороны поняли, что воюют со своими.

Но неприятности, которые предстояло перенести Коху за эти два дня, взрывом вокзала не окончились. Впереди был еще один акт — снова с участием Николая Кузнецова.

Утром 16 ноября 1943 года в соответствии с планом советских чекистов Николай Иванович должен

был ликвидировать главного немецкого судью Украины генерала Альфреда Функа.

Функ, как и сам Кох, был одним из любимцев Гитлера, осыпавшего его пышными чинами и званиями. В одно и то же время он являлся президентом немецкого верховного суда на Украине, сенатс-президентом верховного суда в Кенигсберге, чрезвычайным комиссаром по Мемельской области, главным судьей СА группы «Остланд», председателем национал-социалистского союза старшин и прочее и прочее.

Звания разные, но должность у него была, в сущности, одна: уничтожать советских людей. По приказам-«приговорам» Функа ежедневно расстреливали и вешали по всей Украине сотни патриотов.

Гитлеровский верховный суд занимал унылое трехэтажное здание, выходящее на Парадную площадь и Школьную улицу. Быть может, уничтожить Функа было легче где-нибудь в другом месте и в другое время, но командование решило это сделать именно в здании суда и сразу же за похищением Ильгена и взрывом вокзала.

Мы знали, что Функ — человек аккуратный и педантичный, каждый день брился в парикмахерской на Немецкой улице, почти напротив суда. Без нескольких минут девять он пересекал улицу и входил в здание.

Брил Функа один и тот же мастер — Ян Анчак, бывший польский офицер, тесно связанный с нашими разведчиками. В Ровно у него была семья — жена и две маленькие дочки-близнецы. Худой, с глубоко посаженными черными глазами,

услужливый и подобострастный с клиентами немцами, Анчак выглядел человеком, никогда не державшим в руках никакого иного оружия, кроме бритвы. У гитлеровцев он не вызывал ни малейшего подозрения. Этому способствовала и его известность как мастера, обслуживающего «самого» Функа.

...В 8 часов 30 минут утра 16 ноября на Школьной улице, не доехав до суда метров пятьдесят, остановился «адлер» (с новым номером), из него вышли два офицера в форме РКУ (из-за расшитых фуражек их прозвали золотыми фазанами). Это были Кузнецов и Каминский.

Солдат-шофер — Николай Струтинский остался в машине и, казалось, задремал за рулем. Офицеры перешли площадь и разошлись в разные стороны. Кузнецов стал медленно прогуливаться по тротуару, Каминский занял позицию, откуда было удобно наблюдать за окном парикмахерской Анчака.

Потянулись минуты напряженного ожидания. Несмотря на ранний час, на улице было многолюдно. Кузнецов и Каминский то и дело отвечали на приветствия офицеров, сами приветствовали. Впрочем, после ночной тревоги мало кто обращал внимание на подобные мелочи.

В 8.40 к главному входу суда подъехал грузовик с двумя десятками эсэсовцев.

Струтинский нащупал под сиденьем автомат и насторожился, полагая, что это неожиданное осложнение сорвет операцию. Но Кузнецов и Каминский продолжали как ни в чем не бывало спокойно прохаживаться по улице.

В 8.45 на мгновение откинулась занавеска в окне парикмахерской — Анчак подал знак, что через несколько минут он закончит бритье. И сразу же Каминский сдвинул фуражку на затылок — это уже был сигнал Кузнецову.

В 8.50 занавеску откинули совсем. Каминский приподнял фуражку, Кузнецов взглянул на часы и направился неторопливо к дверям суда. Струтинский завел мотор.

В дверях парикмахерской показался Функ и пошел навстречу возмездью. Кузнецов задолго до этого дня досконально изучил расположение всех коридоров и комнат в здании суда. Знал все ходы и выходы, в том числе и малоприметный выход на Школьную улицу. Сейчас ему требовалось лишь одно — войти в дверь так, чтобы не столкнуться ни с кем из работающих в суде. Иначе чем объяснить, что, оказавшись внутри здания, он не пойдет ни на второй этаж, ни в боковые коридоры, а просто встанет на вторую ступеньку лестницы сразу за дверью? Но и это было учтено: Кузнецов превосходно понимал, что сотрудники суда займут свои рабочие места хотя бы на несколько минут раньше, чем направится в свой кабинет на втором этаже главный судья.

Затаив дыхание Кузнецов стоял, прижавшись вплотную к стене. Справа слышались шаги — кто-то шел по коридору к двери. Шаги приблизились и удалились уже на лестнице.

Николай Иванович не успел даже перевести дыхания, как хлопнула входная дверь. Все остальное произошло за какую-нибудь долю секунды —

Кузнецов вскинул «вальтер» и почти в упор трижды выстрелил в Функа. Потом быстро, но без суеты надел спрятанную под плащом обычную общевойсковую фуражку, спокойно прошел по коридору и вышел на Школьную улицу.

Эсэсовцы у главного подъезда видели, как из здания суда вышел пехотный офицер и уехал на сером «адлере», но не обратили на него никакого внимания. Выстрела они не слышали.

О том, что произошло дальше, рассказал Ян Каминский, некоторое время еще остававшийся на своем посту возле парикмахерской.

Труп Функа обнаружили только через две-три минуты. На втором этаже здания суда настежь распахнулось окно, и площадь огласил чей-то истерический крик:

— Президент убит! Президент убит!

Поднялась тревога. Эсэсовцы у подъезда, видимо, заподозрили уехавшего на автомобиле офицера и устремились в погоню. В двух-трех кварталах от площади они действительно настигли «адлер», в котором сидел какой-то майор. Его выволокли из машины, избили до полусмерти и отправили в гестапо. Эта ошибка дала Николаю Кузнецову те самые драгоценные минуты, которые позволили ему и Струтинскому бесследно исчезнуть в лабиринте ровненских улиц. Благополучно ушел с площади и Ян Каминский.

...После уничтожения Функа Кузнецов и Струтинский два дня отдыхали на хуторе Тайхмана. А потом, снова перекрасив машину и поставив на ней новый номер, решили вернуться в Ровно.

На хуторе Николай Иванович получил из штаба отряда новые погоны и новые документы. Зная, что немцы наверняка будут искать по всей округе неизвестного обер-лейтенанта, мы «присвоили» Паулю Зиберту очередное воинское звание — капитана (гауптмана). Правда, ни в одном из фашистских отделов кадров офицерского состава об этом ничего не знали.

— Глядишь, кончу войну полковником, — заметил Николай Иванович по этому поводу связному, доставившему ему пакет.

В новом обличье он и тронулся в путь. На улице Коперника автомобиль остановил патрульный пост.

— Ваши документы, господин гауптман!

Кузнецов предъявил документы на себя, шофера и путевой лист (тоже, разумеется, новый). Внимательно просмотрев бумаги, проверяющий офицер разрешил ехать дальше.

Через двести метров снова окрик:

— Хальт! Документы!

— В чем дело? — рассердился Кузнецов. — У нас только что проверяли.

Жандармский подполковник ничего не ответил. И, только просмотрев документы, сказал:

— Извините, гауптман. Мы ищем террориста обер-лейтенанта. Сегодня вас будут останавливать на каждом шагу. Сами понимаете — служба...

Проехав несколько десятков метров, Кузнецов приказал Струтинскому свернуть в переулок и остановиться.

— Зачем? — удивился Коля. — Ведь у нас все в порядке, поедemте прямо к Вале.

Кузнецов отрицательно покачал головой.

— Зарываться не стоит. Нужно переждать. Давай-ка поможем немцам.

Оставив «адлер» в переулке, Кузнецов и Струтинский вышли на улицу. Через пять минут они остановили какую-то машину.

— Хальт! Прошу предъявить документы!

— Но, господин гауптман, у нас только что проверяли и сказали, что все в порядке, можно ехать дальше.

Кузнецов, просматривая бумаги, лишь с сожалением пожал плечами.

— Извините, господа. Но мы ищем террориста обер-лейтенанта. Сегодня вас будут останавливать на каждом шагу. Сами понимаете...

Николай Иванович козырнул и, вернув бумаги, разрешил пассажирам машины ехать дальше — до следующего поста.

Через пятнадцать минут Кузнецов вошел во вкус своей новой работы и проверял документы с дотошностью и сноровкой заправского жандарма.

Около часа Кузнецов и Струтинский останавливали все проезжавшие по улице автомобили. И никто не проявил и тени сомнения по поводу их полномочий. Такова уж была сила слепого повиновения властному тону в гитлеровской армии.

Им уже порядком надоело это занятие, когда по улице промчался эсэсовский мотоцикл и офицер, сидевший в коляске, на ходу выкрикнул:

— Можете быть свободны, гауптман! Дополнительные посты снимаются! Проверка закончена.

Понимающе махнув эсэсовцу рукой, Кузнецов спокойно сказал:

— Ну что ж, Коля, потрудились, едем к себе.

Теперь их никто уже не останавливал.

...После похищения Ильгена, взрыва на вокзале и невероятного по дерзости убийства Функа гитлеровцы в Ровно совсем потеряли головы. Паника достигла предела. Среди перепуганных немцев ходили самые невероятные слухи о «большевистских террористах», якобы наводнивших город и беспощадно уничтожающих высокопоставленных лиц. По всему городу начались повальные облавы, документы проверяли не только у местных жителей, но и у солдат и офицеров. «Террористы» мерещились повсюду: жителям запрещали выходить из домов позже шести часов вечера, ходить группами больше двух человек, носить чемоданы, свертки, сумки и даже держать руки в карманах.

Целыми днями по улицам разъезжали автомобили с громкоговорящими установками: жителей убеждали помогать властям в поимке «террористов».

А наши разведчики готовили уже новые удары по фашистским захватчикам.

* * *

Трудно, очень трудно писать — даже двадцать лет спустя — о героях «невидимого фронта». Это были советские патриоты, беззаветно преданные

Родине и Коммунистической партии, мужественные и до дерзости храбрые, самоотверженные и стойкие. Они внесли свой вклад во всенародное дело разгрома злейшего врага человечества — германского фашизма.

Как измерить свершенное ими в глубоком тылу врага под покровом строжайшей тайны и секретности?

Уральский инженер Николай Кузнецов совершил ряд неслыханных по смелости и отваге подвигов, каждый из которых достоин того, чтобы навеки сохраниться в памяти народной. Скромный сельский учитель комсомолец Авраамий Иванов одним из первых достал документальное подтверждение подготавливавшегося гитлеровцами в 1943 году крупнейшего наступления на Курской дуге. Две молодые советские женщины Лидия Лисовская и Майя Микота не остановились перед тем, чтобы пожертвовать своим добрым именем и прослыть предательницами в родном городе. Они шли на это, чтобы советское командование регулярно получало бесценную информацию о планах врага.

Не жажда приключений и славы вела наших разведчиков-чекистов на бессмертные подвиги. Думал ли скромнейший Николай Кузнецов в те минуты, когда его плечи жгли погоны гитлеровского офицера, о чем-либо, кроме того, чтобы успешно справиться с заданием? Могло ли ему прийти в голову, что спустя годы в разных городах страны ему воздвигнут памятники, а самое имя его станет легендой?

Это были простые советские люди. Все время

находясь под угрозой гибели в застенках гестапо, они боролись, любили, мечтали о будущем — светлом будущем своей страны, сквозь бури и штормы идущей к коммунизму. Они видели это будущее в самые тяжелые для нашей Родины дни, на захваченной врагом земле, которую топтал фашистский сапог. Презирая смерть, они выстояли и победили.

СОДЕРЖАНИЕ

Салон «графини» Лисовской	5
В поисках объекта «Вервольф»	12
Крах операции «Цитадель»	48
Выстрелы на Шлосштрассе	74
Приговор приведен в исполнение	92

Лукин Александр Александрович

ОПЕРАЦИЯ «ДАР». М., «Молодая гвардия»,
1964.

128 с., с илл.

(Библиотечка «Честь, отвага, мужество».)

P2

Редактор *А. Строев*

Художники *В. Медведев и А. Блох*

Худож. редактор *Г. Позин*

Техн. редактор *Е. Михалева*

A109205. Подп. к печ. 6/VIII 1964 г. Бум. 70×108¹/₃₂.
Печ. л. 4(5,48). Уч.-изд. л. 4,5. Тираж 115 000 экз.
Заказ 873. Цена 14 коп. Б. З. № 39, 1964 г., п. 14.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая
гвардия», Москва, А-30, Сушевская, 21.

Scan, DJVU: Tiger, 2013

14 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ